

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ
РАННЕЙ БРОНЗЫ
ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ**

(по материалам грунтового могильника
Телеутский Взвоз-1)

МОНОГРАФИЯ

Издательство Алтайского
университета
Барнаул — 2003

УДК 930.26 (571.151)
ББК 63.3 (2Рос) 265.7-431
К438

Ответственный редактор:
академик **А.П. Дервянко**

Рецензенты:
доктор исторических наук **В.В. Бобров**;
кандидат исторических наук **Е.А. Васильев**;
отдел бронзового века Института археологии РАН

Кирюшин Ю.Ф.

К 438

Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I): Монография / Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — 333 с.

ISBN 5-7904-0257-7

Монография посвящена анализу и характеристике погребального обряда населения эпохи ранней бронзы (конец III — первая треть II тыс. до н.э.) Верхнего Приобья. В основу исследования положены материалы раскопок погребально-поминального комплекса Телеутский Взвоз-I, который к настоящему времени является наиболее изученным памятником.

Издание рассчитано на археологов, историков, культурологов, этнографов, музейных работников, краеведов, аспирантов, студентов, а также на всех интересующихся древней историей Алтая и сопредельных территорий.

Монография подготовлена и издана при частичной финансовой поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №ИО539 по теме «Исторический опыт хозяйственного освоения юга Западной Сибири»), гранта Минобразования (проект №Г02-1.2-509), а также в рамках реализации НИР кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье»

ISBN 5-7904-0257-7

© Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.,
Тишкин А.А., 2003

© Алтайский государственный
университет, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха ранней бронзы отразилась существенным изменением этнокультурной ситуации в Приобье и на сопредельных территориях (Косарев М.Ф., 1984). Увеличение численности населения, сдвиг традиционного присваивающего хозяйства и формирование других видов деятельности, становление новых социальных и мировоззренческих систем в различной степени фиксируются в археологических материалах рассматриваемого периода.

Несмотря на то обстоятельство, что первые сведения об эпохе ранней бронзы Верхнего Приобья были получены еще в начале XX в. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992), а выделение елунинской археологической культуры обосновано уже 17 лет назад (Кирюшин Ю.Ф., 1986), в настоящее время пока отсутствуют специальные монографические исследования и полноценные публикации материалов по обозначенному хронологическому отрезку истории. В какой-то мере именно данными обстоятельствами продиктована необходимость издания результатов раскопок погребально-поминального комплекса елунинской археологической культуры Телеутский Взвоз-I. Кроме этого, планируется выпуск еще нескольких книг, посвященных анализу исследований в Верхнем Приобье памятников эпохи ранней бронзы, хронологические рамки которой нами определяются последней четвертью или концом III — первой третью II тыс. до н.э. В относительной хронологии елунинские комплексы занимают позицию между «энеолитическими» памятниками большемысской культуры (IV—III тыс. до н.э.) и объектами развитого бронзового века (андроновская культура XVI—XIII вв. до н.э.).

Изучаемый памятник Телеутский Взвоз-I располагается на высоком (более 60 м) разрушающемся мысу левого коренного берега Оби, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края (рис. 1 и 2). Он был открыт А.П. Уман-

ским в 1956 г. и учтен как курганная группа Телеутская-IV, состоящая из 21 визуально фиксируемого погребального сооружения (Уманский А.П., 1993, с. 9). Затем этот археологический комплекс неоднократно обследовался сотрудниками Барнаульского пединститута и Алтайского госуниверситета (Шамшин А.Б., 1993а,б; Уманский А.П., 1993, с. 9; Казаков А.А., 1995; и др.). В связи с тем, что д. Телеутская, к которой непосредственно делалась топографическая привязка, оказалась смыта Обью и стало невозможно с полной достоверностью соотнести многие археологические памятники, названия, данные А.П. Уманским, поменялись. Так, курганная группа Телеутская-IV стала указываться как Телеутский Взвоз-I с учетом обозначения жителями ближайших деревень урочища и спуска в пойму реки. Это название закрепилось и было перенесено на некоторые другие памятники, обнаруженные А.П. Уманским (1993) (см.: Казаков А.А., Ведянин С.Д., 1993, с. 179–182; Шамшин А.Б., 1993а,б; Казаков А.А., 1995, с. 182–188; Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 78–83; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 110–136; и др.).

Тщательное обследование территории мыса летом 1997 г. позволило выявить более 50 визуально определяемых археологических объектов с учетом уже исследованных и частично разрушенных курганов (Тишкин А.А., 1998а). Часть памятника к тому времени была уже уничтожена в результате постоянного и интенсивного подмыва Обью левого берега. В ходе этого процесса оказалась разрушена вторая надпойменная терраса, на которой и находилась деревня Телеутская. Оставшимся свидетельством существования села является еще сохранившееся русское кладбище, находящееся к северо-западу от древних курганов, под мысом, на террасовидном выступе (рис. 2).

Археологические исследования на памятнике были предприняты из-за аварийной обстановки, создавшейся при негативном воздействии антропогенных и природных факторов. Отдельные

погребально-поминальные объекты пострадали при регулярном продельвании бульдозером спуска к реке. По-видимому, часть курганов ирменской культуры была сдвинута при сооружении земляного вала для защиты мыса от эрозии в ходе стока весенних и дождевых вод. Об этом свидетельствуют находки характерной керамики, обнаруженной при обследовании памятника после таких работ, а также при осмотре ближайшего участка обрыва (Шамшин А.Б., 1993б, с. 19–20). Кроме всего, территория длинного, вытянутого по линии юг-север мыса планировалась и начала использоваться строителями автодороги Елунино—Черемно-Подгорное как резерв грунта. Достаточно интенсивными остаются разрушения памятника при подмыве берега. Каждый год этим процессом поглощаются археологические объекты, а также и участки уже отработанных раскопов.

В 1993–1994 и 1996 гг. на памятнике Телеутский Взвоз-1 работала совместная экспедиция Алтайского госуниверситета и НПЦ «Наследие» под руководством А.А. Казакова (1997). В результате были раскопаны курганы ¹ 1–8, а общая площадь вскрытых участков составила 1588 кв. м. Кроме погребений эпохи поздней бронзы и средневековья исследованы два захоронения интересующего нас времени в раскопе кургана ¹ 8 и по одному в раскопах курганов ¹ 5 и 7. Так было положено начало исследованию грунтового могильника елунинской культуры и связанных с ним поминальных и ритуальных объектов.

При исследовании курганов ¹ 9 и 10 монгольского времени в 1997 г. экспедицией АГУ под руководством А.А. Тишкина (1998) было вскрыто 365 кв. м площади памятника. В результате оказались также исследованы три погребения и другие свидетельства эпохи ранней бронзы. Еще одно захоронение рассматриваемого периода зафиксировано в начале мыса. Данная могила была частично разрушена при ремонте взвоза — спуска в пойму Оби.

Курганы монгольского времени ¹ 11–14 исследовались экспедицией АГУ в 1998 г. под руководством В.В. Горбунова (1999).

В результате работ на памятнике раскопана площадь в 436 кв. м. К эпохе ранней бронзы отнесено шесть погребений.

С 1999 г. археологическими отрядами АГУ под руководством С.П. Грушина (2000а; 2001в; 2002а) начато целенаправленное изучение комплексов эпохи ранней бронзы. За полевые сезоны 1999–2001 гг. было раскопано более 1000 кв. м территории памятника и исследовано 16 погребений интересующего нас времени.

Таким образом, общая площадь, вскрытая на археологическом комплексе Телеутский Взвоз-1, за 1993–2001 гг. составила почти 3500 кв. м. Кроме погребений на памятнике исследовались поминальные, а также остатки ритуальных конструкций в виде рвов и ям.

Результаты полевых исследований регулярно докладывались на Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998; 1999; 2000; 2001), а также на некоторых других конференциях (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 2000; Грушин С.П., 2001б, 2002; и др.). Предварительные итоги аналитической работы по осмыслению полученного на памятнике Телеутский Взвоз-1 материала были опубликованы в ряде научных статей (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000; Грушин С.П., 2000в; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001б; и др.).

Раскопанные погребения эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-1 до 1999 г. имели обозначения, «привязанные» к раскопам курганов монгольского времени. В полевой сезон 1998 г. исследование средневековых объектов было закончено (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998), поэтому появилась необходимость сплошной нумерации погребений грунтового могильника эпохи ранней бронзы с целью избежания путаницы в дальнейшей работе. В результате изученные ранее объекты получили следующие обозначения: могила ¹ 1 (к. 8, м. 3, раскопки 1996 г.); могила ¹ 2 (к. 8, м. 2, раскопки 1996 г.); могила ¹ 3 (к. 7, м. 2, раскопки 1996 г.); могила ¹ 4 (к. 9, м. 2, раскопки 1997 г.); могила ¹ 5 (к. 9, м. 3,

раскопки 1997 г.); могила ¹ 6 (к. 5, м. 3, раскопки 1996 г.); могила ¹ 7 (к. 10, м. 2, раскопки 1997 г.); могила ¹ 8 (к. 12, м. 2, раскопки 1998 г.); могила ¹ 9 (к. 12, м. 3, раскопки 1998 г.); могила ¹ 10 (к. 12, м. 4, раскопки 1998 г.); могила ¹ 11 (к. 11, м. 2, раскопки 1998 г.); могила ¹ 12 (к. 11, м. 3, раскопки 1998 г.); могила ¹ 13 (к. 11, м. 4, которая была значительно разрушена при сооружении ямы в монгольское время, раскопки 1998 г.). Могила ¹ 14 частично пострадала при строительстве спуска к Оби. Это захоронение, исследованное в 1997 г., в научном отчете обозначено как «могила елунинской культуры» (Тишкин А.А., 1998а). Начиная с ¹ 15, объекты уже имели соответственно продолжающиеся обозначения.

В публикуемой монографии использовались материалы, полученные при археологических раскопках на могильнике Телеутский Взвоз-I в течение восьми лет (1993–1994 и 1996–2001 гг.). Однако научный потенциал данного комплекса не исчерпан. Полевые изыскания на памятнике продолжаются и объем различных сведений будет возрастать. Тем не менее авторы сочли необходимым издать уже отработанные материалы.

Полевые исследования на памятнике в разное время финансировались Алтайским государственным университетом, Научно-производственным центром «Наследие», Алтайским краевым центром детско-юношеского туризма, Институтом археологии и этнографии СО РАН. Кроме госбюджетных и внебюджетных были привлечены средства, полученные для выполнения проектов ФЦП «Интеграция» и Минобразования. Целенаправленные полевые исследования последних лет осуществлялись за счет грантов Президиума СО РАН (руководитель Ю.Ф. Кирюшин).

При обработке и изучении материалов памятника Телеутский Взвоз-I авторы стремились применить комплексный (междисциплинарный) подход, привлекая для этого специалистов различных областей знаний из ряда городов (Москва, Екатеринбург, Новоси-

бирск, Томск, Новокузнецк, Гурьевск, Барнаул) и учреждений России (Институт молекулярной биологии им. Энгельгардта РАН, Институт экологии растений и животных УрО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт геологии СО РАН, Томский государственный университет и др). Результаты таких исследований отражены в нескольких приложениях к монографии, а также использованы при интерпретации основного массива археологических данных. Авторы сочли необходимым выразить благодарность за плодотворческое сотрудничество и оригинальность сделанных определений К.Н. Солодовникову и С.С. Тур (приложение I), К.И. Воронкину (приложение II), В.А. Борисову (приложение III), Е.А. Пономаревой (приложение IV), П.В. Волкову (приложение V), П.А. Косинцеву (приложение VI), Е.Д. Агаповой и Л.А. Орловой (таблицы (рис. 71, 74–86) в приложении VII). Следует отметить попытку проведения палеогенетических исследований по образцам костных останков людей, погребенных на памятнике Телетский Взвоз-I. Однако плохая сохранность исходного материала не позволила получить эффективные результаты. Тем не менее подобная работа все же была реализована при изучении скелетов младенцев, обнаруженных при раскопках поселения елунинской культуры Березовая Лука (Тишкин А.А., 2002). Палеогенетические исследования осуществлялись в Институте молекулярной биологии РАН под руководством канд. биол. наук Б.А. Полторауса.

Особые слова благодарности авторы монографии адресуют своим коллегам А.А. Казакову и В.В. Горбунову за предоставленное право публикации добытого ими на памятнике Телеутский Взвоз-I археологического материала эпохи ранней бронзы; А.Л. Кунгурову — за участие в экспедициях 1997–1998 гг. и рисунки отдельных предметов, О.А. Семибратовой — за подготовку части таблиц с изображениями керамического комплекса; В.В. Боброву, Е.А. Васильеву и коллективу отдела бронзового века Института археологии РАН — за объективную оценку работы.

Авторы выражают признательность всем, кто принимал участие в археологических раскопках памятника: Д.В. Папину, О.А. Поздняковой, О.Г. Шмидт (Лыжниковой), П.К. Дашковскому, Е.В. Григорову, А.В. Кондрашову, О.И. Чекрыжовой, Т.Г. Горбуновой (Шиготаровой) и другим. На базе Елунинской археологической экспедиции в 1996 г. проводилась археологическая практика у студентов исторического факультета Алтайского государственного университета, а в 1997–1998 гг. — у учащихся исторического класса МОУ «Лицей ¹ 86». В 1999–2001 гг. Алтайский краевой центр детско-юношеского туризма (директор — Н.А. Буянов) совместно с кафедрой археологии, этнографии и источниковедения АГУ проводил Краевой археологический лагерь школьников по спасению памятников археологии «Павловский». За этот период в раскопках погребально-поминального комплекса Телеутский Взвоз-I приняли участия около 200 школьников из Заринского, Павловского, Шелаболихинского, Троицкого районов Алтайского края, Барнаула и Заринска (Грушин С.П., Буянов Н.А., 2001). Авторы выражают благодарность сотрудникам АКЦДЮТур, принимавшим участие в проведении лагеря, а также всем педагогам и ребятам за добросовестный труд.

Важно отметить, что проведенным исследованиям и успешному окончанию этой книги способствовали помощь, поддержка, терпение и понимание наших жен.

Глава I

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I

Каждый народ, осознавая свое отличие от других этносов, реализует такое положение, в частности, при организации кладбищ. Это касается выбора места для могильника, планировки, внутреннего устройства и оформления погребально-поминального комплекса. Особенно такие отличия заметны в зонах контактного проживания народов с разными религиозными представлениями. Современным примером этого могут служить кладбища русского и казахского населения северо-западных предгорий Алтая. Они устраиваются в разных местах и по-разному удалены от одного общего села. Такая ситуация, например, зафиксирована одним из авторов при проведении обследований близ с. Антоньевки Петропавловского района Алтайского края. Характерна и другая картина, когда у разных народов существует одно общее кладбище, на котором реализуются отличительные погребальные традиции. Можно привести также другие особенности организации и использования территории некрополя (Белич И.В., 1997).

Могильники являются своеобразными этнокультурными показателями тех или иных народов и дают возможность исследователям реконструировать многие стороны жизни населения, ушедшего в прошлое. При этом определяется абсолютная и относительная хронология разных погребальных объектов, выясняются существовавшие контакты и связи, предполагается социальная структура общества, мировоззренческие представления и т.д. В некрополях отложилась не только многовековая история известных народов, но и деятельность тех групп населения, свидетельства о которых являются только в ходе археологических исследований.

В данной главе, наряду с вышеизложенным, рассматриваются и другие проблемы реализации процесса захоронений людей. Это заключается в выяснении того, как воспринималось чужое кладбище населением Алтая в разные исторические эпохи, чем руководствовались люди при выборе территории для могильника, почему в одном и том же месте организовывались погребально-поминальные комплексы в течение длительного периода времени, а также ряд других вопросов, которые найдут свое отражение при рассмотрении конкретно зафиксированной ситуации на памятнике Телеутский Взвоз-I.

К настоящему времени на анализируемом комплексе выявлены и исследовались археологические объекты разных исторических эпох. Наиболее хорошо выделялись в центральной части мыса десять схожих курганов монгольского времени (XIII–XIV вв.), располагавшихся цепочкой по линии Ю–С отдельно или группами. Все эти объекты раскопаны. Результаты их исследований регулярно публиковались в научных сборниках (Казаков А.А., 1995, с. 183–184, рис. 1; Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 78–80, рис. 1.-14, 17–20; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997, с. 327–329, рис. 41; Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В., 1997, с. 301–305; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998, с. 365–368; Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001; и др.). Состоялось и монографическое издание средневекового комплекса (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002). Курганы ирменской культуры (эпоха поздней бронзы) располагаются ближе к краю мыса и имеют очень низкие, едва различимые округлые земляные насыпи небольшого диаметра. Визуально выявить такие сооружения затруднительно, поэтому часть объектов удалось обнаружить только в ходе исследований сплошным раскопом больших участков (Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 78–83; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997, с. 327–329; Папин Д.В., Тишкин А.А., 1998, с. 330–332; Горбунов В.В., Тиш-

кин А.А., 1999, с. 316–318; Папин Д.В., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 385–388). В начале мыса, на траверзе, зафиксированы курганы эпохи раннего железа (каменная культура), отличающиеся от других объектов существенными параметрами надмогильных сооружений, а также наличием нескольких западин, отражающих ограбление целого ряда подкурганых захоронений. Кроме этого, при раскопках разновременных погребальных объектов на площади мыса были обнаружены фрагменты керамической посуды и бронзовый наконечник стрелы скифской эпохи (Кзаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 83, рис. 1; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 111, рис. 2), что свидетельствует об использовании рассматриваемой территории в обозначенный период времени для каких-то пока определенно невыясненных целей. Другие археологические памятники эпохи раннего железа находятся неподалеку от Телеутского Взвоза. Некоторые из них изучались в течение ряда лет (Кзаков А.А., Ведянин С.Д., 1993, с. 179–182; Кзаков А.А., 1995, с. 182–183; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 110–136).

Кроме визуально выявленных древних сооружений при раскопках зафиксированы и исследовались своеобразные погребально-поминальные объекты. Памятник эпохи ранней бронзы занимает значительную часть мыса. Достаточно большое количество различных сооружений и находок этого времени свидетельствует о длительном функционировании погребально-поминального комплекса. К эпохе развитой бронзы (андроновская культура) относится разрушенное строителями захоронение с деревянной внутримогильной конструкцией (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000б). Этот объект был зафиксирован в самом начале мыса. Методом радиоуглеродного датирования определено время сооружения могилы — 3515 ± 30 лет, т.е. 1565 ± 30 г. до н.э. (СОАН-3757). Отдельные фрагменты андроновской керамики обнаруживались на памятнике и раньше. Важно отметить, что доисследован-

ное захоронение найдено за пределами могильника эпохи ранней бронзы. По-видимому, это погребение не единственное, что открывает возможности изучения андроновского некрополя. Если данный факт подтвердится при дальнейших раскопках, то можно поставить вопрос: почему «андроновцы» не совершали погребения умерших соплеменников на перспективном, более подходящем для этих целей центральном участке мыса? Напрашивается следующее возможное объяснение: «удобная» территория уже была занята сооружениями, которые воспринимались «андроновцами» как могильные, так как погребения раннего бронзового века при этом имели какие-то сохранившиеся надмогильные конструкции. Возможно, что подобные наблюдения позволят приступить к решению проблемы соотношения памятников елунинской и андроновской культур на территории лесостепного Алтайского Приобья.

Таким образом, в ходе археологических исследований выяснилось, что памятник Телеутский Взвоз-I представляет собой конгломерат поминально-погребальных и других объектов целого ряда древних и средневековых культур. Скопление разных сооружений и предметов на небольшой, ограниченной территории мыса, по-видимому, обусловлено не только удобным местом расположения и религиозно-мировоззренческими представлениями, а также, на наш взгляд, определенным видом хозяйственной деятельности проживавших в рассматриваемом месте народов, которые в основном занимались скотоводством. В то же время организация сакрального пространства, планировка погребальных и поминальных сооружений существенным образом отличались друг от друга. Сравнение выявленных комплексов при планиграфическом анализе позволяет определить хронологический и культурный срезы в истории народов, последовательно проживавших на левом берегу Оби.

В научной литературе очень мало внимания уделяется выявлению закономерностей расположения археологических объектов относительно друг друга в одном месте и на территории рас-

пространения той или иной группы схожих памятников, а также их соответствие с исследованными сооружениями других культур, не только близких в хронологическом отношении. Подобные наблюдения дают возможности для более глубокой интерпретации имеющихся материалов. Например, интересные наблюдения удалось зафиксировать благодаря археологическим исследованиям и планиграфическому изучению известной курганной группы Пазырык в Горном Алтае (Руденко С.И., 1953). В результате было сделано предположение, что у населения, соорудившего объекты на площади памятника, прослеживалась генетическая преемственность в восприятии пространства могильного поля (Илюшин А.М., 1992, с. 67). Такая тенденция хорошо прослеживается на ряде других археологических комплексов Горного Алтая и требует специального сравнительного рассмотрения.

На памятнике Телеутский Взвоз-I разновременные комплексы располагаются следующим образом. Погребения и сооружения ритуального характера эпохи ранней бронзы занимали в основном центральную часть мыса, распространяясь к его началу. О расположении исследованной андроновской могилы выше уже было сказано. Что касается курганов ирменской культуры, то они также занимали центральную часть мыса и частично находились на территории комплекса эпохи ранней бронзы, но концентрировались все же ближе к северному краю. Объекты раннего железного века находятся в стороне от ирменского погребально-поминального памятника. Они фиксируются у начала мыса и за его пределами, возможно, частично занимая могильник андроновской культуры. Курганная группа монгольского времени, сооруженная цепочкой посередине мыса по линии Ю—С, перекрывала своими сооружениями могилы елунинской культуры и ирменские курганы. Русское кладбище вообще было расположено за пределами мыса, хотя и поблизости: на нижнем террасовидном выступе, который к моменту сооружения могил оставался свободным от захоронений предыдущих эпох.

Выявленные моменты сооружения разных погребальных комплексов позволяют представить процесс формирования памятника Телеутский Взвоз-I на протяжении значительного времени. Ключ к раскрытию сущности указанного соотношения комплексов заключается, как нам кажется, в выявлении факторов, которыми руководствовались строители погребений при выборе места для кладбища и организации его пространства.

«Елунинцы» выбрали указанный мыс, конечно же, не случайно. Это подтверждает рассмотрение мест расположения кладбищ эпохи ранней бронзы в Алтайском Приобье и на других территориях. Ближайший аналогичный памятник Елунино-I также располагался на высоком мысу (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 100). Это же можно сказать и о некрополе эпохи ранней бронзы Староалейка-II (Там же, с. 103). Таким образом, при выборе места для могильника внимание «елунинцев» привлекал высокий, порой господствующий в определенном месте мыс или возвышенность, с которой открывался впечатляющий панорамный вид на пойму реки. Таких свободных мест в то время было предостаточно по Оби и ее притокам. Еще один погребальный памятник эпохи ранней бронзы Цыганкова Сопка-II, перекрытый ирменским поселением, хотя и находится внизу, ближе к пойме, но тоже на возвышенности, которая обеспечивает панорамный обзор местности (Там же, с. 111–112). Можно отметить еще несколько фактов подобного расположения могильников эпохи бронзы и для других регионов (см.: Бадер О.Н., 1959, с. 70, рис. 1; Матющенко В.И., Сеницына Г.В., 1988, с. 4; Молодин В.И., 1985; и др.).

Приведенные примеры позволяют выявить ряд общих характеристик расположения погребальных памятников елунинской культуры: близость к реке, на одной из высоких точек окрестностей с панорамным видом на пойму, при определенной подконтрольности, защищенности и относительной изолированности местности. Это результат не только религиозного, но и практического подхода при

организации кладбища. Поэтому еще одним важным показателем для понимания изучаемого вопроса может быть расположение могильника относительно поселения. Однако в настоящее время этого сделать пока не представляется возможным. Вероятнее всего, поселение «елунинцев» Телеутского Взвоза было в пойме Оби, но к настоящему времени оно так же, как и другие подобные поселения последующих эпох, включая деревню Телеутскую, смыто рекой. Подтверждением того, что в эпоху ранней бронзы люди селились непосредственно у водной артерии, являются результаты исследований хозяйственно-культурного центра Березовая Лука в пойме Алея (левый приток Оби) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1995, с. 30–35; 1996, с. 46–49; 1997, с. 203–207; 1998, с. 75–80; Тишкин А.А., 1998б, с. 80–83; 2001; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999; 2001б; 2002; и др.). Однако большинство необходимых в рассматриваемом случае поселений вблизи исследованных могильников сейчас найти практически невозможно. Они уничтожены или замыты реками. Есть шанс получить реальное соответствие памятника Березовая Лука с некрополем его жителей, который в свою очередь необходимо еще обнаружить. Пока исследованы лишь погребения младенцев, зафиксированные при раскопках культурного слоя поселенческого комплекса (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 2000; Тишкин А.А., 2002). В стадии разработки находится проблема реконструкции мировоззренческих и религиозных представлений населения елунинской культуры. Поэтому поставленные вопросы по интерпретации имеющихся данных пока далеки от своего разрешения.

Рассматриваемый мыс привлек внимание и «андроновцев», появившихся в Верхнем Приобье, вероятно, несколько раньше, чем это было принято традиционно считать (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с. 46–47; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000б). Однако к этому времени там уже существовал могильник «елунинцев». «Андроновцы» не пожелали хоронить на чужом кладби-

ще, но в то же время совершили захоронение неподалеку от него. Не исключено, что на принятие такого решения повлияло отсутствие свободного места на территории долго функционировавшего погребально-поминального комплекса эпохи ранней бронзы. Подобная ситуация уже отмечалась при исследовании двух Елунинских грунтовых могильников, располагавшихся в 5,5 км от Телеутского Взвоза. Там также были обнаружены погребальные сооружения елунинской и андроновской культур. Небольшой грунтовый могильник Елунино-I эпохи ранней бронзы располагался в начале мыса. Оставшаяся часть была свободной, поэтому «андроновцы» позже и заняли ее под детское кладбище (Кирюшин Ю.Ф., 1980). В связи с этим можно предположить, что определяющим фактором в данном случае стало наличие свободного места на удобном для могильника месте. Подводя итог рассмотрению сложившихся ситуаций, можно привести и другие определяющие факторы, влиявшие на организацию некрополей в эпоху бронзы: культурная и идеологическая преемственность, схожие системы хозяйства и жизнедеятельности, реализация достигнутого преимущества, особенное отношение к чужим погребениям и т.д.

Попробуем представить модель дальнейшего процесса погребального освоения территории мыса. «Ирменцы», по всей видимости, руководствовались теми же факторами, что и население эпохи ранней бронзы. К тому времени надмогильные сооружения «елунинцев» были уже разрушены либо не воспринимались как погребальные, поэтому они заняли «свободную» зону мыса. При анализе планиграфической ситуации расположения курганов раннего железного века можно прийти к заключению, что население в тот период времени, как примерно и в андроновскую эпоху, восприняло сооружения «ирменцев» в центральной части мыса как погребальные. Это послужило причиной для выбора другого места, т.е. за пределами могильника эпохи поздней бронзы. В результате курганы раннего железного века были возведены на территории

андроновского некрополя, который для «каменцев» спустя (условно) тысячу лет уже не являлся таковым по следующим причинам: андроновские надмогильные сооружения не сохранились в необходимом виде или их вообще не было.

Население монгольского времени, появившееся более полуторы тысячи лет позднее «каменцев», восприняло территорию мыса как не занятую чужими погребальными сооружениями, так как елунинские могильники были не заметны, ирменские представляли какие-то небольшие всхолмления, которые можно было принять за вполне естественные, курганы эпохи раннего железа находились в стороне, за пределом свободной площадки. Немного дистанцируясь от последних, население монгольского времени принялось возводить свой некрополь. Главным фактором при этом оказалась «незанятость» удобной части мыса.

Русское население, пришедшее в Приобье, также руководствовалось определенными нормами при организации своего кладбища. Но происходило это, по-видимому, уже после того, как было выбрано место для проживания, отвечающее требованиям рационального хозяйствования и безопасности. Переселенцы рассматриваемую территорию мыса без сомнений воспринимали как древнее кладбище, занятое курганами «язычников». Поэтому они стали использовать для захоронений небольшой, но свободный террасовидный участок. Данное наблюдение подтверждается организацией русских сел левобережья Оби. Так, в несколько километрах выше по течению, в пойме реки, расположена современная деревня Черемно-Подгорное. Действующее сельское кладбище занимает, подобный Телеутскому Взвозу-1, мыс, образованный коренным левым берегом Оби. Аналогичная ситуация зафиксирована и у с. Елунино.

При изложении имеющихся материалов нами был представлен ряд факторов, обеспечивающих возможность такого чередования погребальных объектов разных культур на памятнике Телеутский Взвоз-1. Однако исследования там еще не закончены.

С накоплением новых данных некоторые наблюдения и выводы могут быть в дальнейшем скорректированы и представлены в более законченном виде. Неизменным может остаться только комплексный подход к решению конкретных исследовательских задач.

Таким образом, устроители погребений последующего периода производили их за пределами могильников предшествующего времени. Поэтому на одной территории расположены комплексы «через эпоху», т.е. формирование разновременного памятника Телеутский Взвоз-I происходило своеобразным способом «маятника».

Прежде чем рассматривать материалы, полученные при исследованиях погребально-поминального комплекса эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I, необходимо хотя бы в общем виде представить уже имеющиеся наработки планиграфического характера. При этом следует указать на небольшое количество подобного рода публикаций, а также на отсутствие развернутых аналитических рекомендаций и методологических положений общего характера. Для этого требуется проведение специальных исследований на значительном массиве сравнительных данных. Особое внимание необходимо уделить раскрытию теоретических вопросов планиграфии как неотъемлемого этапа в процессе археологических изысканий и реконструкций. Перспективность такой научной работы, на наш взгляд, несомненна.

Планиграфические наблюдения, произведенные при изучении целого ряда археологических комплексов, позволяют выявить закономерности в расположении погребальных сооружений и отдельных находок на могильном поле, а также наметить другие показатели и характеристики, необходимые для более целостной реконструкции культуры. Следует указать, что высокая эффективность рассматриваемого анализа возможна лишь при вскрытии значительной площади нескольких памятников, с учетом расположения их на местности и при изучении соотношений разных признаков

обрядности. Идеальным вариантом для планиграфических исследований является полностью раскопанный могильник. Такой объект можно рассматривать как законченный «архитектурный комплекс», изучение которого позволит более точно представить место, роль и значение его отдельных элементов, а также обнаружить последовательность их сооружения (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000б; Казаков А.А., 1998; Елин В.Н., 1990, с. 153; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001а; и др.).

Реализация возможностей планиграфического метода определяется видом и особенностями изучаемого памятника. После выявления определенного набора признаков погребального обряда, как правило, исследователями осуществляется анализ соотношений между отдельными объектами на могильном поле, определяется его площадь и границы, а также место среди синхронных, единокультурных и других памятников.

Планиграфический анализ могильников важен для проведения социальных реконструкций. Однако он невозможен без качественных археологических источников и их тщательной проработки (Васютин А.С., 1997, с. 71). Стратиграфико-планиграфический подход, предложенный М.Д. Хлобыстиной (1993), позволил ей не только группировать погребения по половозрастным признакам в составе могильников раннего голоцена, но и решать другие вопросы палеосоциологического моделирования. Подобный метод был применен В.В. Бобровым (1996, с. 20) в процессе изучения могильников Титово (андроновская культура) и Журавлево-4 (ирменская культура). В результате планиграфических наблюдений у исследователя появилась возможность установить на памятниках взаимосвязь центра с периферией и то, как сопряжены могилы мужчин, женщин, детей. Это позволило реконструировать половозрастную структуру общества и семейно-брачные отношения (Там же, с. 21).

Интересные особенности пространственного восприятия территории могильника древним населением, о чем уже упоминалось

выше, удалось зафиксировать благодаря изучению планиграфии на знаменитом памятнике Пазырык в Горном Алтае.

Создание погребального комплекса — это, как правило, процесс структурирования пространства древним населением путем наложения последовательных ограничений (Елимахов А.В., 1995, с. 45). Данное обстоятельство, отраженное в планировке могильников, следует обязательно учитывать, так как это даст возможность реконструировать мировоззренческие представления людей, оставивших изучаемый памятник, а также позволит отразить этнографические, этнокультурные и хронологические характеристики (Николаев Н.Н., 1996, с. 49).

Успешное применение планиграфического метода зависит от целого ряда обстоятельств и факторов. Главным остается степень изученности и сохранности объектов, хотя исследователи отмечают важность указанных наблюдений даже тогда, когда памятники подвергнуты значительным разрушениям (Васютин А.С., 1997, с. 71). Всесторонний анализ невозможен без тщательной обработки имеющихся в достаточном количестве данных. Поэтому обратимся к представлению той источниковой базы, которая имеется в нашем распоряжении для раскрытия исследовательских направлений обозначенной темы.

Несмотря на достаточно большую вскрытую площадь на памятнике Телеутский Взвоз-1, все же планиграфический анализ в полной мере мы выполнить не имеем возможности. Дело в том, что на указанном объекте при раскопках была вскрыта не вся площадь памятника. Кроме того, на территории мыса находились сооружения, относящиеся к другим археологическим культурам более позднего времени. Поэтому многие захоронения были разрушены культовым или хозяйственным использованием территории могильника последующим населением.

Теперь перейдем к анализу конкретной планиграфической ситуации, зафиксированной на рассматриваемом могильнике (рис. 2

и 3). Погребения на исследованной части мыса группируются параллельными рядами, вытянутыми по линии ЮВ—СЗ или Ю—С. Всего выявлено шесть рядов.

Ряд ¹ 1 состоял из могил ¹ 33—35 и располагался на северной окраине мыса (рис. 3). Особенностью данной планиграфической группы погребений является то обстоятельство, что могила ¹ 35 была несколько смещена к западу от основного ряда. В 5 м к востоку от обозначенных могил располагался поминальник, который представлял собой яму диаметром 1,45 м, углубленную в материк на 0,19 м. В центре ее заполнения фиксировались мелкие кальцинированные кости. В яме были обнаружены развалы трех сосудов. Один из них стоял на дне в небольшом углублении, размеры которого 0,35х0,26 м, глубина 0,05—0,09 м, а заполнение представлено серым грунтом.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что количество сосудов, обнаруженных в поминальнике, соответствует числу погребений в данном ряду.

Ряд ¹ 2, состоящий из двух могил ¹ 4 и 5, располагался в 50 м к югу от погребений первого ряда по линии ЮВ—СЗ (рис. 3).

Ряд ¹ 3 находился в 6 м к юго-западу от предыдущего и был ориентирован по линии ЮВ—СЗ. Данная группа состояла из девяти могил (¹ 7, 11—13, 15—19). Два объекта ¹ 7 и 19 располагались в северной части в 13 м от остальных погребений рассматриваемого ряда, что не исключает вероятности того, что данные захоронения составляли отдельную планиграфическую группу на могильном пространстве. В 3,5 м к северо-востоку от могилы ¹ 7 зафиксирован поминальник, состоящий из ямы диаметром 0,75 м, глубиной 0,09 м и поставленного в нее керамического сосуда, от которого сохранились нижняя половина и фрагмент венчика. Нижняя часть сосуда обнаружена в 2 м к северо-востоку от могилы ¹ 17. У северо-восточного угла могильной ямы данного погребения на уровне материка обнаружен еще один развал керамической емкости (рис. 3).

Необходимо отметить, что в тех случаях, когда сосуды с поминальной пищей располагались не в ямах, фиксируемых в настоящий момент в материке, а в древней погребенной почве, то они представлены в основном развалами нижних, придонных частей посуды. Данная закономерность объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что верхние части поминальных сосудов были уничтожены в результате деятельности населения в более позднее время. Придонные части сохранились благодаря тому, что посуда ставилась в небольшие ямы, сооруженные в древней погребенной почве и не углубленными в материк, что не фиксируется при археологических раскопках. Высота сохранившихся частей сосудов варьирует от 7 до 13 см, что дает основание предположить, что ямы, в которые их помещали, имели среднюю глубину более 10 см.

Ряд ¹ 4, ориентированный по линии ЮВ—СЗ, располагался в 8—9 м к юго-востоку от ряда ¹ 3 и представлен 11 погребениями. Внутри него могилы концентрировались в три группы, расстояние между которыми было 4—5 м (рис. 3).

Северная группа состояла из погребений ¹ 30—32. В 2 м к востоку от могилы ¹ 32 зафиксирован развал нижней части сосуда.

Центральную группу четвертого ряда составляли могилы ¹ 21, 25—27, 29. Вероятно, своеобразным сакральным центром в данном месте было погребение ¹ 29, которое выделялось формой и размерами могильной ямы, сопроводительным погребальным инвентарем (там обнаружен бронзовый наконечник стрелы сейминско-турбинского облика). Определенное место и значение погребенных людей, вероятно, также подчеркивают два захоронения (могилы ¹ 21 и 26), совершенные к северу и югу от него. Особенностью данных «фланговых» объектов является то обстоятельство, что могилы сооружены в древней погребенной почве и почти не углублены в материк. Данный элемент не является характерным признаком для традиционного погребального обряда населения елуинской архео-

логической культуры. Кроме того, в 2 м к востоку от могилы ¹ 29 зафиксирован еще и развал нижней части сосуда.

Южную группу в ряду ¹ 4 составляли могилы ¹ 23—24 и 28. Ее особенностью является то обстоятельство, что, кроме погребальных комплексов, найдены два объекта ритуального характера. С южной стороны группу замыкал объект ¹ 13 (рис. 4), представляющий собой вытянутое с запада на восток овальное углубление, размерами 3,6х3,3 м, глубиной 0,5 м. Стенки сооружения сужались на 0,15 м, а на дне, в центральной его части, зафиксирована подпрямоугольная яма размерами 1,3х0,8 м, глубиной 0,17 м. У северной стенки компактной кучкой располагались главным образом черепа и нижние челюсти к.р.с. (все археозоологические определения здесь и далее сделаны П.А. Косинцевым, см. приложение VI). Кости животных обнаружены на разной глубине. Одна челюсть найдена на глубине 0,3 м от современной поверхности еще до фиксации пятна. Другие кости обнаружены в заполнении сооружения на глубине 0,15—0,7 м от материка. В центральной яме объекта находился череп к.р.с., под которым обнаружен еще и астрагал.

Объект ¹ 15 имел овальную форму (рис. 40.-2). Его размеры составляли 1,2х0,7 м. Сооружение было вытянуто длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Максимальная глубина — 0,3 м. В заполнении объекта и на его дне обнаружены кости животных, фрагменты керамики, среди которых имелся венчик. В юго-западной половине ямы найдены остатки коры. К северо-востоку от данного сооружения фиксировалось пятно прокаленной глины. О синхронности описанных объектов с погребениями эпохи ранней бронзы свидетельствуют, на наш взгляд, следующие факты. Они располагались в общем ряду могил этого времени, не нарушая их. Данные объекты ориентированы длинной осью в том же направлении, что и могильные ямы. В одном из них обнаружен фрагмент елунинской керамики.

Заканчивая рассмотрение южной группы погребений, следует отметить еще одну интересную особенность. В 2 м к востоку от могилы ¹ 23 зафиксированы остатки вертикально стоявшего и затем сгоревшего столбика. Столбовая яма диаметром 0,28 м углублена в материк на 0,15 м. Вокруг нее обнаружены многочисленные следы огня, угли, обожженные кости животных, среди которых находились фрагменты черепа м.р.с. В заполнении столбовой ямы вместе с остатками сгоревшего дерева фиксировались небольшие обожженные кости.

Следует отметить, что все три группы погребений, составляющие ряд ¹ 4, при определенном допущении можно рассматривать как отдельные ряды, ориентированные по линии Ю—С. Такая группировка погребений в пределах одного ряда наталкивает на мысль о том, что над каждой из них существовали какие-то надмогильные сооружения, которые ограничивали каждую группу. Не исключено, что такими сооружениями могли являться небольшие земляные насыпи, которые в настоящее время полностью сnivelированы. Об этом свидетельствуют и некоторые погребения данного ряда (могилы ¹ 27 и 30). Остатки умерших, зафиксированные в них, располагались в древней погребенной почве на небольшой (0,2 м) глубине от современной поверхности.

Ряд ¹ 5, ориентированный по линии ЮВ—СЗ, располагался в 5 м к юго-западу от предыдущей группы погребений и состоял из могил ¹ 8—10 и 20. В 2 м к северо-востоку напротив трех могил (¹ 8—10) обнаружено по одному поминальному сосуду (рис. 3). Интересно отметить особое расположение детского захоронения, совершенного в могиле ¹ 20. Оно располагалось к северу от основного ряда погребений. Могильное пятно было ориентировано длинной осью по линии ЮВ—СЗ. Скелет ребенка, обнаруженный в данном погребении, был ориентирован черепом на юго-восток, в направлении расположения поминальных сосудов. Таким образом, становится ясным, что при сооружении могилы ¹ 20 осо-

бое значение имело месторасположение поминальника. Именно данным обстоятельством руководствовались устроители при определении ориентировки могильной ямы и покойника в погребении. Следовательно, захоронение было сооружено позже, чем могилы ¹ 8–10. Можно также предположить, что поминальники у этих могил предназначались и для «кормления» души умершего ребенка. Данное обстоятельство в свою очередь дает основание считать, что поминки, совершаемые родственниками, имели регламентированный характер.

Ряд ¹ 6 (рис. 2), ориентированный по линии Ю–С, располагался в 60 м южнее от ряда ¹ 5 и состоял из двух погребений (могилы ¹ 1–2). Могильные ямы располагались в 3,5 м друг от друга. В 4 м к востоку от погребений обнаружен развал сосуда, к **рãñ-âññîéò ìò ìñäëù ¹ 1 íà òàèîì æá ðãññîýìèè íàéááí ìðè-**клад-подношение, состоящий из четырех каменных предметов.

Необходимо отметить, что на исследованной части могильника зафиксированы и отдельные одиночные захоронения, которые не составляли группы. К таким объектам в северной половине могильника относятся могилы ¹ 3, 6, 22, 36. На южной окраине могильника в начале мыса располагалась могила ¹ 14, частично разрушенная при строительстве спуска в пойму Оби. Следует учитывать то обстоятельство, что одиночные погребения северной части могильника действительно являются таковыми, поскольку вокруг них исследована значительная площадь. Могила ¹ 14, возможно, располагалась в ряду погребений, которые еще не исследованы или же полностью разрушены при строительстве взвоза.

Заканчивая рассмотрение планиграфических особенностей расположения погребений, объектов и находок на площади могильника, следует подвести итог общего характера.

Не вызывает сомнения, что в древности на памятнике существовали какие-то надмогильные сооружения. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения. Во-первых, не зафиксировано ни

одного случая нарушения ранних погребений при строительстве последующих. Во-вторых, последующие погребения пристраивались к уже сооруженным, образуя тем самым хорошо выраженные ряды. В третьих, большая часть погребений носит следы ограбления или обезвреживания умерших. В четвертых, в некоторых объектах фиксируются остатки от деревянных вертикально стоявших столбов, которые, вероятно, возвышались над могилой и были деталями надмогильной конструкции. Кроме того, на могильнике зафиксированы захоронения, совершенные в древней погребенной почве и почти не углубленные в материк. При раскопках они фиксируются на глубине 0,2 м от современной поверхности, что в какой-то мере свидетельствует о существовании земляных надмогильных сооружений, сnivelированных в течение времени. После погребения родственники умершего периодически устраивали поминки и, вероятно, осуществляли «кормления» души умершего, поскольку сосуды для поминальной пищи располагались неглубоко в земле и в той стороне от могилы, куда был ориентирован головой покойник. Случаи нахождения отдельного сосуда или скопления керамики были ранее зафиксированы на могильниках Староалейка-II (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 111) и Цыганкова Сопка-II (Там же, с. 115). Такая же характерная ситуация отмечена на памятнике Ростовка, где керамические сосуды и ряд вещей помещались в межмогильном пространстве (Матющенко В.И., Синицына Г.В., 1988). Аналогичные случаи зафиксированы на могильнике Сопка-II (Молодин В.И., 1985). Однако в указанных примерах такая связь с погребениями, как на памятнике Телеутский Взвоз-I, ранее отмечена не была.

Можно предположить, что зафиксированные ряды могил представляли собой группы погребений, принадлежавшие членам одного рода, т.е. своеобразные родовые микрокладбища в рамках общего некрополя. Обрядовым центром погребально-поминального комплекса, по всей видимости, являлось «культовое» сооружение, расположенное посередине мыса. Этот объект представлял собой систе-

му отходивших от вертикально стоявшего деревянного столба в радиальном направлении трех рвов (рис. 3).

Представленные в данной главе планиграфические особенности памятника Телеутский Взвоз-1 уже рассматривались авторами в некоторых публикациях (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001а), где отражены определенные сравнения с подобными могильниками эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья. Анализируемый комплекс является наиболее исследованным, и в настоящее время его можно считать одним из базовых археологическим объектов елунинской культуры, поэтому важно, как можно полнее отразить зафиксированные наблюдения для проведения дальнейших исследований.

Глава II

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТОВ И НАХОДОК ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

К настоящему времени на территории памятника Телеутский Взвоз-I раскопано 36 могил эпохи ранней бронзы и несколько объектов так называемого ритуального назначения. Кроме того, получен значительный материал из межмогильного пространства, представленный фрагментами или развалами отдельных сосудов и каменными изделиями.

2.1. Результаты исследований могил

Могила ¹ 1 (рис. 5). Могильное пятно подпрямоугольной формы имело размеры 2,4х1,7 м и фиксировалось на глубине 0,5 м от современной поверхности. Оно было вытянуто длинной осью по линии З-В. На глубине 0,05–0,08 м от уровня материка в заполнении могильной ямы были обнаружены нижняя челюсть и раздавленный череп женщины 40–50 лет (все половозрастные определения выполнены К.Н. Солодовниковым и С.С. Тур, см. приложение I). Могильная яма имела глубину 1,22 м от уровня материка. На ее дне и стенках сохранились остатки конструкции от погребальной камеры в виде древесного тлена мощностью 0,03–0,05 м. На глубине 0,5 м в восточной части ямы фиксировалась ступень шириной 0,83 м. Таким образом, погребальная камера с деревянной конструкцией имела размеры 1,7х1,57 м. Ее перекрытие просело и фиксировалось на глубине 0,9 м. Оно состояло из продольно лежавших плах шириной до 0,2 м. Под ними, в юго-западном углу камеры, на глубине 0,9–1,0 м найдены конечности овец. На дне ямы обнаружены следы погребальной подстилки,

которая состояла из двух слоев бересты, уложенных на тонкие продольные плашки шириной до 1 см. Размеры подстилки — 1,4x1,15 м. На ней находились три человеческих костяка. Судя по всему, каждый умерший в процессе погребения укладывался головой на восток, на левый бок с согнутыми в коленях ногами. Все черепа оказались повернутыми лицевой частью влево. У южной стенки располагался скелет мужчины 30—35 лет, у которого руки были вытянуты, слегка согнуты, а кисти покоились друг на друге на левом бедре. У северной стенки камеры находился костяк женщины 25—35 лет, уложенной на левый бок. Ее правая рука была согнута в локте и как бы обнимала ребенка 2—3-х лет, останки которого обнаружены между скелетами взрослых людей. Ребенок, судя по сохранившимся костям, был уложен на левый бок с согнутыми в коленях ногами. При расчистке фиксировалась меловая (?) обсыпка. В северо-западном углу погребальной камеры, в ногах умерших, найден керамический плоскодонный сосуд баночной формы со слегка отогнутым венчиком наружу (рис. 6.-2). Его параметры таковы: высота — 13 см, диаметр по венчику — 12 см, по тулову — 12 см, по дну — 5,5 см. На внутренней и внешней поверхности сосуда отмечены следы заглаживания. Зона под венчиком украшена вертикальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Ниже находится разделительная зона — наклепной волнистый валик, а далее — горизонтальные ряды оттисков, выполненные в той же технике, что и зона под венчиком. Рядом с сосудом было найдено каменное дисководное изделие, сделанное из мелкозернистого песчаника, с биконическим отверстием посередине (рис. 7.-7). Диаметр изделия — 5,7 см, диаметр отверстия — 0,9 см, толщина по центру — 1,1 см, по краю — 0,5 см. Диск носит интенсивные следы зашлифованности. Функциональное назначение предмета трасологическим методом установить не удалось (определения П.В. Волкова, см. приложение V). Там же обнаружен небольшой кусочек охры. Рядом с фалангами пальцев ног женщины зафиксиро-

рован фрагмент прошитой бересты. У северной стенки камеры обнаружен каменный черешковый наконечник стрелы, оформленный двусторонней диагональной струйчатой ретушью. Длина наконечника — 6,5 см, из них перо — 5,5 см, черешок — до 1 см. Ширина изделия составляет 2,5 см, толщина — 1 см (рис. 7.-5). По обе стороны от детского черепа найдено по одной свинцовой серьге, сделанной из проволоки в полтора оборота (рис. 7.-3, 4). Толщина проволоки — 0,3 см, диаметр кольца — 1,6 см. Между черепами ребенка и мужчины найдено костяное орудие, сделанное из трубчатой кости животного (рис. 8). Его длина — 20,2 см, ширина — 2,6 см, толщина — 0,9 см. Изделие обработано с двух сторон. Следы сработанности в виде зашлифованности фиксируются по всей кромке орудия. У восточной стенки камеры находилось каменное изделие (рис. 7.-6). Его размеры 3,8x2,6x1,8 см.

В юго-восточном углу погребальной камеры, перед лицевой частью черепа мужчины, были обнаружены:

1) венчик (рис. 6.-1), украшенный горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Установленный по нему диаметр керамического сосуда составил около 14 см;

2) деревянный наконечник стрелы (рис. 7.-2) с абрисом ромбовидной формы. Длина изделия — 4,7 см, максимальная ширина — 2,6 см. В горизонтальном сечении наконечник первоначально имел форму круга, а после деформации фиксировался овал. Изделие относится к так называемым томарам, предназначенным для охоты на пушного зверя. Деревянная стрела была цельная, однако сохранился только наконечник;

3) у левого локтя мужчины располагалось десять правых и шесть левых таранных костей м.р.с., с сильно стертими боковыми поверхностями (рис. 7.-1).

Могила ¹ 2 (рис. 9). Могильное пятно подчетыреугольной формы размерами 2,5x1,4 м было зафиксировано на глубине 0,5 м от современной поверхности. Оно оказалось вытянутым длинной

осью по линии Э—В. В юго-восточном секторе могильное пятно имело неправильную форму, что, вероятно, отражало следы проникновения в погребение. По контуру могильной ямы прослежена прослойка из углей мощностью до 0,15 м — остатки сгоревшей деревянной обкладки. На уровне фиксации могильного пятна в заполнении обнаружен череп ребенка 7—13 лет. Глубина могильной ямы от материка — 0,75 м. На разном уровне в ее заполнении были встречены разрозненные кости от пяти человеческих костяков (среди них три черепа), остатки берестяной подстилки размерами 0,65х0,6 м, фрагменты керамики, кости животных (целая левая нижняя челюсть овцы старой особи и нижний конец правой плюсневой кости). Все обнаруженные предметы, кости и остатки деревянной обкладки несли следы огня. Останки одного человека были в беспорядке смещены в северо-восточный угол погребения, остальные располагались в центральной его части. Интересно отметить, что в юго-восточном углу могилы находки полностью отсутствовали, что подтверждает предположение о проникновении в погребальную камеру в этой ее части. В юго-западном углу ямы сохранился тлен от деревянной обкладки.

В общей сложности в могиле были обнаружены останки от шести человек: двух мужчин 50—60 лет; женщины 45—50 лет; детей 7—13, 2—3 лет и до 1 года.

После камеральной обработки в лабораторных условиях материалов из рассматриваемого погребения выяснилось, что все фрагменты керамики происходят от одного сосуда, полностью реконструируемого (рис. 9.-2). Изделие баночной формы имело следующие параметры: высота — 12 см, диаметр по венчику — 14 см, тулову — 14 см, дну — 9 см. Срез венчика волнистый по причине того, что внешняя кромка среза украшена вдавлениями. Вся внешняя поверхность сосуда орнаментирована рядами оттисков «шагающей гребенки». Зона под венчиком украшена диагональными рядами, иногда образующими треугольники, а тулово — горизон-

тальными рядами. По особенностям расположения копоти на реконструированном сосуде можно сделать вывод о том, что огонь в могиле горел, когда сосуд был еще целым. Если допустить, что керамическая емкость была разрушена во время позднего проникновения, то можно предполагать, что огонь в могиле разводился сразу же после устройства погребения.

Могилы 1 3 (рис. 10). Могильное пятно со следами позднего проникновения, размерами 2,6x1,5 м, ориентированное длинной осью по линии ЮВ—СЗ, имело подчетыреугольную форму и «читалось» на глубине 0,45 м от современной поверхности. В центре могильной ямы обнаружен череп животного, уложенный на левую сторону и ориентированный длинной осью по линии ЮВ—СЗ. Череп принадлежал комолой особи крупного рогатого скота и был сильно обожжен. Начиная с глубины 0,45 м фиксировался верхний край рамы, составленной из деревянных плах шириной 0,05—0,09 м. Сооружение во многих местах было сильно обуглено и имело размеры 1,9x1,35 м. Оно было установлено вплотную к северо-восточной стенке могильной ямы.

На дне погребальной камеры, на глубине 0,7 м от уровня материка, у южной стенки лежал скелет человека, ориентированный черепом на ЮВ. Судя по расположению костей, умерший был уложен на левый бок с сильно согнутыми в коленях ногами. В погребении обнаружены еще два человеческих черепа. В северной половине погребальной камеры в беспорядке лежали разрозненные кости умершего и фрагмент от берестяной подстилки. Многие кости, а также остатки деревянной рамы носили следы огня. Вещей в могиле не обнаружено.

Могилы 1 4 (рис. 11) трапецевидной формы имела размеры 1,56x1,35x0,9 м и была ориентирована длинной осью по линии З—В. При выборке заполнения фиксировались мелкие человеческие кости. Стенки могильной ямы сужались ко дну, которое фиксировалось на глубине 0,33 м от уровня материка. Там обнаруже-

но несколько костей человека. Череп отсутствовал. В анатомическом порядке находились только фаланги пальцев ног. Судя по ним, умерший был уложен скорченно, на левый бок, ногами к западу (с небольшим отклонением), т.е. предположительно головой на восток. Погребального инвентаря не найдено.

Могила ¹ 5 (рис. 12) подчетыреугольной формы имела размеры 1,97х0,97 м. На глубине 0,18 м от уровня материка северо-западная стенка имела уступ шириной 0,07 м, а юго-восточная — шириной 0,05 м. Стенки слегка сужались ко дну. На дне могильной ямы на глубине 0,72 м от уровня материка были найдены разрозненные кости человеческого скелета. Череп отсутствовал. В анатомическом порядке остались лежать лишь фаланги стоп обеих нижних конечностей. Судя по ним, умерший был уложен на левый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. В могиле обнаружены кусочки охры, кость животного и камень. У северо-восточной стенки найден деформированный глиняный сосуд (рис. 13.-1). Его параметры: высота — 18,5 см, диаметр по венчику — 12 см, по тулову — 12 см, по дну — 10 см. Стенки сосуда полностью орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «отступающей палочки», срез венчика имеет вдавления. Каменный наконечник стрелы с обломанным острием (рис. 13.-2) был обнаружен в кв. А'-25 у северо-западного края могильной ямы при зачистке поверхности раскопа по уровню материка. Длина изделия составила 3,1 см, ширина — 1,5 см, толщина — 0,5 см. Черешок выступал на 0,4 см.

Могила ¹ 6 (рис. 14). Могильное пятно прямоугольной формы, размерами 1,6х0,8 м фиксировалось на глубине 0,45 м от современной поверхности. Оно было ориентировано длинной осью по линии ЮЗ—СВ. На дне могильной ямы, т.е. на глубине 0,2 м от уровня материка, обнаружены отдельные разрозненные кости человека, среди которых можно отметить позвонок, несколько ребер и фаланг, фрагменты черепа. Других находок в могиле не было.

Могила ¹ 7 (рис. 15). Контуры могильной ямы подчетырёхугольной формы обозначились в материке на глубине 0,8 м от современной поверхности и имели размеры 2,25х1,9 м. Яма, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ—СВ, была углублена в материк на 0,4 м. В заполнении могилы обнаружен фрагмент керамики, украшенный вертикальными рядами насечек (рис. 15.-2). На дне ямы фиксировался тлен от деревянной погребальной камеры. По сохранившимся остаткам можно предположить, что конструкция из деревянной рамы прямоугольной формы, размерами 1,6х1,2 м, состояла из небольших жердей, которые фиксировались вертикальными столбиками (остатки последних обнаружены в северо-восточном углу камеры). Сохранившиеся местами следы дерева и бересты свидетельствуют о том, что перекрытие рамы состояло из продольно уложенных плах, сверху которых помещалась кора березы.

Внутри зафиксированной камеры находился скелет человека, судя по которому, умерший был похоронен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. По дну ямы фиксировались остатки от подстилки, которая, вероятно, состояла из плашек шириной 0,02—0,05 м, уложенных в могиле продольно. В заполнении погребальной камеры местами фиксировались углистые пятна, отдельные угольки и меловая (?) подсыпка. У костей левой руки скелета обнаружен тлен от деревянного изделия, а рядом — кость животного. Других находок не обнаружено.

Могила ¹ 8 (рис. 16). Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,53 м от современной поверхности. Оно имело подпрямоугольную форму, слегка расширенную к северо-востоку, со средними размерами 2,14х1,2 м и было ориентировано длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Могильная яма имела прямые стенки. Ее наибольшая глубина от уровня материка 0,59 м. На дне ямы было совершено захоронение двух человек. Похоронены взрослый и ребенок. Кости первого лежали в юго-западной части могилы в

беспорядке. В анатомическом положении находились кости одной ноги (ниже колена). Эта часть лежала поперек могилы, что указывает на позу погребенного: на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. От детского скелета сохранились лишь обломки черепа, найденные в центральной части могилы между костями взрослого человека. Вдоль юго-восточной стенки могилы зафиксированы остатки деревянной доски размерами $0,73 \times 0,02 - 0,03 \times 0,02$ м. Отдельные обломки дерева встречены около юго-западной стенки могилы, их общие размеры таковы: $0,05 - 0,2 \times 0,02 - 0,04 \times 0,02$ м. В центральной части могилы на дне, ближе к юго-восточной стенке, лежал на боку целый, слегка деформированный, керамический сосуд (рис. 16.-2). Его параметры: высота — 16 см, диаметр по венчику — 11 см, по тулову — 12 см, по дну — 8,5 см. Срез венчика украшен косыми вдавлениями, придонная часть — поясом из вертикальных вдавлений широкой лопаточкой. Стенки изделия орнаментированы диагональными волнистыми и прямыми лентами оттисков «шагающей гребенки». Кроме керамического сосуда в погребении обнаружены отдельные древесные угольки и астрагал м.р.с.

Могила ¹ 9 (рис. 17). Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,5 м от современной поверхности. Оно было трапециевидной формы, размерами $1,9 \times 1,14 - 1,39$ м и ориентировано длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Могильная яма имела прямые стенки и неровное дно, наибольшая глубина до которого от уровня материка — 0,37 м. На дне могильной ямы обнаружены беспорядочно расположенные кости человека. Череп находился в центре могилы, на боку, лицевой частью на юго-восток. В погребении зафиксирован фрагмент венчика от керамического сосуда (рис. 17.-2). Он украшен рядами оттисков «шагающей гребенки». Зона под венчиком орнаментирована вертикальными рядами, а по тулову — горизонтальными, волнистыми. Разделителем между зонами являлся слабо выраженный волнистый валик. В погребении найден кусочек охры и обломок обугленного дерева размерами $0,1 \times 0,05 \times 0,02$ м.

Могила ¹ 10 (рис. 18). Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,5 м от современной поверхности. Оно было прямоугольной формы размерами 2,1×1,54 м, длинной осью ориентировано по линии ЮЗ—СВ. На дне могильной ямы на глубине 0,8 м от уровня материка обнаружен скелет человека, судя по которому, умерший захоронен на спине, головой на СВ, лицом на юг. Его руки были согнуты в локтях, кисти сложены на груди, ноги подогнуты в коленях и завалены на левую сторону. С левой стороны лежали две кости животных. В могиле зафиксированы остатки внутримогильной конструкции. Дерево сохранилось в основном в виде тлена. Вдоль северо-западной и юго-восточной стенок могилы находились длинные деревянные жерди размерами 1,64—1,75×0,03—0,06×0,01—0,03 м. Причем у юго-восточной стенки они располагались на глубине от 0,4 до 0,62 м в два ряда и по четыре жерди в каждом. Рядом с ними, но на дне могилы, находились такие же, но более короткие (хуже сохранившиеся) части упавшего перекрытия. Различные по своим параметрам деревянные жерди, расположенные поперечно и диагонально, найдены у северо-восточной и юго-западной стенок могилы. Они могли относиться как к раме, так и к перекрытию. Часть этих жердей была обожжена. Других находок в погребении не обнаружено.

Могила ¹ 11 (рис. 19) зафиксирована на глубине 0,6 м от современной поверхности. Она имела трапециевидную форму размерами 1,48×1,4×1,09 м и была ориентирована сторонами по линиям ЮЗ—СВ и ЮВ—СЗ. Наибольшая глубина ямы от уровня материка — 0,27 м. На дне могильной ямы были обнаружены останки двух человек. В анатомическом порядке располагались кости позвоночника, часть ребер, кости рук, таз и кости ног одного погребенного, лежавшего у северо-восточной стенке ямы. По их размещению можно сделать вывод, что умерший располагался на спине, с небольшим завалом на левый бок, его руки были согнуты в локтях и направлены влево, ноги согнуты в коленях и завалены

в ту же сторону. Череп находился в области таза с левой стороны. Возле шейных позвонков найден клинок бронзового ножа (рис. 19.-2) с остатками бересты. Изделие имело длину 9,5 см, ширину — 1,7 см, к обушку клинок расширялся до 0,5 см. Рядом обнаружено бронзовое четырехгранное шило с деревянной рукояткой и чехлом, от которых сохранился тлен (рис. 19.-3). Длина изделия без рукоятки — 3,3 см, ширина в разрезе — 0,2 см. Острие изделия оформлено путем «сжатия» с двух сторон окончания стержня. Металлическая часть была вставлена в деревянную рукоятку на глубину в 1,3 см. Данная часть изделия в разрезе имела округлую форму, но с течением времени деформировалась в овал размерами 1,6х0,9 см. Длина сохранившейся части деревянной рукоятки составила 4 см. Чехол для острия шила был изготовлен также из дерева, от которого сохранился тлен. Судя по нему, изделие представляло собой деревянную трубочку диаметром 0,7 см с отверстием по центру. Кости второго (юго-восточного) скелета находились в беспорядочном положении. Череп отсутствовал, нижняя челюсть лежала рядом с черепом первого костяка. Среди костей юго-восточного и в ногах северо-западного скелетов встречены кости животного (в основном ребра), большей частью в обломках. Помимо этого, в заполнении могилы, ближе ко дну, зафиксированы древесные угли, а у западного угла — позвонки рыбы.

Могилы ¹ 12 (рис. 20). Могильное пятно отмечено на глубине 0,69 м от современной поверхности. Его контур имел трапециевидную форму размерами 1,84х1,1—1,49 м и был ориентирован длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Могильная яма имела прямые стенки (за исключением северного угла, где отмечено два уступа) и ровное дно. Глубина могилы от уровня материка составила 0,48 м. На ее дне находилась сложная, частично сохранившаяся конструкция из двух слоев бересты. От человеческого скелета найдены лишь фаланги пальцев ног в центральной и юго-западной частях

ямы. Они лежали на нижнем слое бересты (там, где он сохранился). У юго-западной стенки могилы были расчищены кости овцы, частично подвергшиеся действию высоких температур без доступа воздуха. Рядом найдены два фрагмента от клинка бронзового ножа плохой сохранности (рис. 20.-3). Длина обнаруженной части составила 4,3 см, максимальная ширина — 1,9 см. В разрезе изделие плоское, толщиной 0,2 см. Ближе к северо-западной стенке могилы обнаружены остатки стенки керамического сосуда (рис. 20.-2). В северо-восточной части погребения, под нижним слоем бересты, зафиксирован тлен от деревянного настила из одной поперечной (размеры: 0,32×0,02×0,01 м) и десяти продольно уложенных плашек от погребальной подстилки. В том же месте, между верхним и нижним слоями бересты, обнаружено скопление диаметром 0,07 м и мощностью до 0,02 м из обожженных зерен (см. приложение IV). Следы огня зафиксированы на верхнем слое бересты и на северо-западной и юго-восточной стенках могильной ямы, а в юго-западной части могилы отмечены четыре скопления древесных углей.

Могилы ¹ 13 была полностью разрушена в процессе строительства монгольского погребения в кургане ¹ 11. Сохранился лишь небольшой контур пятна могильной ямы. Несмотря на то обстоятельство, что там ничего обнаружено не было, данная конструкция отмечена как разрушенная могила эпохи ранней бронзы на том основании, что ее сохранившееся часть располагалась в одном ряду с другими погребениями рассматриваемого периода.

Могилы ¹ 14 (рис. 21). Могильное пятно подпрямоугольной формы размерами 1,9×1,1 м отмечено на глубине 0,22 м от современной поверхности. Оно было ориентировано длинной осью по линии ЮЗ—СВ. При выборке заполнения ямы, глубина которой от уровня материка составляла 0,73 м, вдоль северо-западной стенки зафиксирована приступка высотой 0,18 м (от дна могилы), шириной — 0,32 м. В заполнении и на дне могильной ямы нахо-

дились в полном беспорядке кости одного человеческого скелета (в основном ребра, позвонки и фаланги пальцев). Наибольшая концентрация их была в северо-восточной половине могилы. В заполнении могильной ямы, в восточном углу, обнаружен небольшой фрагмент керамики, орнаментированный «отступающей палочкой» (рис. 21.-2).

Могилы ¹ **15** (рис. 22). Подчетыреугольной формы могильная яма имела размеры 1,3×0,9 м, была углублена в материк на 0,25 м и ориентирована длинной осью по линии ЮЗ—СВ. В восточной части могилы, на дне, были зафиксированы разрозненные человеческие кости. Останки располагались компактной кучкой, в которой находились два черепа. Один из них стоял на основании и был ориентирован лицевой частью в юго-западный сектор. Рядом лежали ребра, позвонки, кости таза, рук и ног. Среди этих останков был обнаружен кусочек угля и найдена стенка керамического сосуда (рис. 23.-1). Судя по фрагменту, диаметр изделия по венчику составлял 14 см. Орнамент оформлен оттисками «гребенчатой качалки». Под венчиком они располагались в вертикальном направлении, причем чередовались с вертикальными рядами, выполненными острым орудием в технике накола, а по тулову — в горизонтальном. В западной половине в анатомическом порядке лежали кости ног, таза и одной руки. Судя по ним, умерший был уложен на левый бок, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Рядом с костями ног погребенного располагался сосуд баночной формы с деформированным венчиком (рис. 23.-2). Его параметры: высота — 17,5 см, диаметр по венчику — 18,5 см, тулову — 19 см, дну — 11,5 см. Стенки сосуда орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки», зона под венчиком украшена вертикальными рядами, выполненными в той же технике. Рядом с керамическим горшком находились ребра м.р.с. и скорлупа от яйца, вероятно, куриного или утиного. С другой стороны сосуда был обнаружен зуб человека и кость м.р.с.

Могила ¹ 16 (рис. 24). Могильное пятно подквадратной формы, размерами 1,3×1,2 м, фиксировалось в материке на глубине 0,45 м от современной поверхности. Яма была углублена в материк на 0,85 м и ориентирована сторонами по линиям ЮЗ—СВ, ЮВ—СЗ. В заполнении могилы на глубине 0,05 м у северо-западной стенки фиксировался прокол овальной формы 0,55×0,35 м, мощностью 0,03 м, в заполнении которого найдены два мелких фрагмента керамики и уголек. У северо-восточной стенки на том же уровне обнаружен каменный отщеп со следами обработки (рис. 25.-2), а у юго-восточной — камень с рыхлой рассыпчатой структурой. На глубине 0,2 м в центре ямы обнаружен череп старой особи овцы и целая левая нижняя челюсть от особи двух—трех лет. На глубине 0,45 м у северо-западной и северо-восточной стенок фиксировался тлен от продольно положенных плах деревянного перекрытия. Под ними на глубине 0,6 м находились остатки от рамы, на которой также отмечены следы от перекрытия. В южном углу могильной ямы на глубине от 0,3 до 0,5 м обнаружен вертикально стоявший деревянный столбик диаметром 0,05 м. На дне могилы лежали скелеты взрослого человека и ребенка, ориентированные черепами на северо-восток. По расположению костей можно сказать, что тело каждого умершего было уложено на левый бок, с согнутыми в коленях ногам. Около костей правой руки взрослого человека обнаружен кусочек охры, а на запястье — браслет из округлых бусин-колючек, одна часть которых сделана, вероятно, из трубчатой кости птицы, а другая — из «пасты» (рис. 25.-1). Диаметр бусин в среднем составляет 0,3 см, а отверстия для нити — 0,1 см. Браслет состоял из 67 бусин. Одна из них выделялась своими размерами, цветом и формой. Зеленоватого оттенка, данная деталь украшения имеет цилиндрическую форму, ее длина 2,1 см, максимальный диаметр 0,6 см. «В ногах» взрослого человека обнаружены кости м.р.с. Среди ребер погребенного был найден его же зуб. Скелет ребенка лежал у юго-восточной стенки. Около черепа

находился небольшой неорнаментированный керамический сосудик светло-коричневого цвета со следами нагара (рис. 25.-7). Его основные размеры: высота — 5,5 см, диаметр по венчику — 7,4 см, тулову — 7 см, дну — 5 см. У костей ног обнаружен аналогичный небольшой сосудик светло-красного цвета также со следами нагара и с отогнутым наружу венчиком (рис. 25.-3). Его параметры: высота — 5,5 см, диаметр по венчику — 7,4 см, тулову — 6 см, дну — 3,5 см. Стенки и дно сосуда украшены горизонтальными рядами нечетких оттисков «шагающей гребенки». Кроме того, в погребении найдены четыре астрагала м.р.с. и костяная трубочка (рис. 25.-5). Длина изделия, сделанного из трубчатой кости животного, 3,5 см, диаметр 0,9–1,1 см. Между костями взрослого человека и ребенка было обнаружено несколько позвонков животного, бронзовое шило с деревянной рукоятью (рис. 25.-6). Металлический стержень, квадратный в поперечном разрезе, имел длину 2 см. Длина деревянной рукоятки составляла 4,4 см, диаметр — 1 см. Бронзовый стержень входил в глубь рукояти на 1 см и фиксировался с помощью небольшого металлического клина длиной 1 см. Такая деталь имела трехгранное сечение. Рядом обнаружена кость рыбы или птицы (?). В западном углу могильной ямы найдено костяное орудие (рис. 25.-4). Изделие имело длину 17,6 см и острие, зашлифовавшееся в процессе работы. Не исключено, что этот предмет использовался в керамическом производстве в качестве орнамента для нанесения отпечатков на поверхность сосудов в технике протаскивания с наколом или в так называемой технике «отступающая палочка». С северной и восточной стороны могилы фиксировался мощный слой от деревянной внутримогильной конструкции (рамы). По дну ямы в некоторых местах отмечен глен от подстилки и меловая (?) подсыпка.

Могила ¹ 17 (рис. 26). Пятно фиксировалось в материке на глубине 0,45 м от современной поверхности. Могильная яма имела овальную форму размерами 1,7×1,1 м, глубину 0,55 м от уровня

материка. Объект ориентирован длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Северо-восточная и юго-западная стенки ямы сужались ко дну на 0,1 м каждая. У северного угла могильной ямы, на уровне древней погребенной почвы, стоял сосуд (рис. 26.-1). Его параметры: высота — 14 см, диаметр по венчику — 13,7 см, тулову — 15 см, дну — 8 см. Венчик слегка отогнут наружу. Стенки сосуда полностью украшены гребенчатым орнаментом в технике шагания. Под венчиком нанесены два волнистых пояса в горизонтальном направлении. Ниже расположен пояс из диагональных рядов, который можно трактовать как «цепочку из ромбов». Нижняя половина тулова и придонная часть сосуда украшены чередованием волнистых и прямых горизонтальных поясов. В заполнении могильной ямы на глубине 0,15 м у южного угла на основании стоял череп человека, ориентированный лицевой частью на северо-восток. На глубине от 0,15 до 0,35 м в центре ямы зафиксированы разрозненные человеческие кости, в том числе и фрагменты второго черепа. У северо-восточной стенки обнаружен фрагмент керамики.

На дне, в юго-западной половине могилы, в анатомическом порядке находились кости ног от двух человек, судя по которым, умершие были похоронены на левом боку головами на северо-восток, с согнутыми в коленях ногами. У юго-восточной стенки обнаружена не потревоженная левая локтевая кость руки с фалангами пальцев.

Могила ¹ 18 (рис. 27). Пятно фиксировалось на глубине 0,45 м от современной поверхности. Могильная яма имела овальную форму размерами 1,3×0,85 м и глубину 0,55 м от уровня материка. Стенки могильной ямы ко дну сужались (западный угол на 0,25 м). В северо-восточном секторе, на уровне материка, зафиксировано овальное пятно размерами 0,5×0,35 м, мощностью 0,03 м, в котором было обнаружено слабо концентрированное скопление остатков зерен (см. приложение IV). На глубине 0,35 м в центре

и в западном углу могильной ямы найдены разрозненные кости человека (ребра, позвонки, нижняя челюсть). В центральной части на дне могилы в полном анатомическом порядке располагались кости таза и ног человека. Рядом обнаружен костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 27.-2) длиной 9,2 см. Перо изделия имело четырехугольное поперечное сечение размерами 1,1×0,7 см и характерное сужение в нижней части, длиной 1 см, округлое в сечении (диаметром 0,7 см). Наконечник с хорошо выраженным плечом-упором для древка имел заостренный черешок длиной 1,4 см с округлым поперечным сечением и диаметром 0,4 см.

Судя по расположению останков человека, умерший был положен на левый бок, головой на северо-восток, с согнутыми в коленях ногами, заваленными влево.

Могила ¹ 19 (рис. 28). Могильное пятно имело подчетыреугольную форму, размерами 1,8×1,4 м. Объект ориентирован длинной осью по линии ЮЗ—СВ. На уровне материка, вдоль западной кромки пятна фиксировался прокол (красная обожженная глина), шириной 0,02—0,03 м, мощностью 0,16 м. На дне могильной ямы, в центре, на глубине 0,37 м от уровня материка, компактно располагались длинные кости ног и рук человека со следами воздействия огня, а также два сильно обожженных черепа. В центральной же части погребения зафиксирована небольшая яма округлой формы (диаметр 0,35 м, глубина 0,1 м), заполненная темной землей с вкраплениями угля и фрагментами обгоревшего дерева. Вдоль западной стенки отмечены остатки обугленной плахи размерами 0,8×0,1 м, у северной фиксировалось углистое пятно, а у южной небольшой кучкой располагались кальцинированные кости человека.

Могила ¹ 20 (рис. 29.-1). Могильное пятно, ориентированное длинной осью по линии ЮВ—СЗ, имело четырехугольную форму размерами 0,7×0,35 м. На дне ямы (глубина 0,2 м от уровня материка) был обнаружен скелет ребенка. Тело захоронено на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-

восток. Руки погребенного были согнуты в локтях. Перед лицевой частью черепа в восточном углу могилы найдены два небольших керамических сосуда баночной формы. Один из них (рис. 29.-2) имел следующие размеры: высота — 9,5 см, диаметр по венчику — 10,2 см, тулову — 10 см, дну — 7 см. Сосуд украшен горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Срез венчика и придонная часть его орнаментированы поясом из вдавлений. Параметры второго сосуда (рис. 29.-4): высота — 12 см, диаметр по венчику — 13,5 см, по тулову — 13 см, по дну — 8 см. Его стенки орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Срез венчика украшен вдавлениями (по этой причине венчик оказался слегка отогнутым наружу). Между погребальной посудой найдены кость животного и несколько кальцинированных костей, среди которых отмечено костяное колечко диаметром 0,8 см (рис. 29.-3). Возле черепа обнаружен уголек. Других находок в погребении не было.

Могила ¹ 21 (рис. 30) обнаружена в древней погребенной почве с углублением в материк лишь на 0,07 м в северной части. Ее размеры 0,8х0,5 м. Захоронен взрослый человек, уложенный на левый бок с сильно согнутыми в коленях ногами головой на восток. Руки были согнуты в локтях. Кисть левой руки находилась перед лицом, а кисть правой на уровне грудной клетки. У правого колена умершего стоял керамический сосуд (рис. 30.-2), в котором находились кости животного (два ребра и кость ноги м.р.с.). Сосуд баночной формы имел следующие параметры: высота — 8 см, диаметр по венчику — 12 см, тулову — 12 см, дну — 7 см. Его стенки были украшены горизонтальными рядами оттисков гребенчатого орудия в технике шагания с элементами протаскивания (так называемая «движущаяся гребенка»). Северо-восточная часть погребения оказалась разрушенной при устройстве более поздней ямы. По этой причине у скелета отсутствовали кости таза.

Могила ¹ 22 (рис. 31.-1). Могильное пятно овальной формы размерами 1,3×0,75 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЮЗ—ССВ, обнаружено в центре рва. На глубине 0,65 м от современной поверхности, до визуальной фиксации могилы, над центральной частью найден череп человека. Под ним, на дне ямы (на глубине 0,95 м от современной поверхности), лежал череп м.р.с. Отсутствие предметов погребального инвентаря, а также расположение к западу от основного ряда захоронений и ориентация могильного пятна позволяют лишь предположительно отнести данное сооружение к эпохе ранней бронзы.

Могила ¹ 23 (рис. 31.-3). Могильное пятно прямоугольной формы размерами 1,5×0,8 м было ориентировано длинной осью по линии З—В. Прокаленная глина фиксировалась в центральной части, у южной и северной границы могильного пятна, что свидетельствует о костре, горевшем над сооруженным погребением. В заполнении могильной ямы также встречены куски обожженной глины и кость животного. На дне ямы на глубине 0,15 м обнаружены непотревоженные кости ног одного человека. Судя по их расположению, умерший был похоронен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В восточной половине погребения зафиксированы беспорядочно разбросанные фрагменты костей человека со следами огня. У южной стенки могилы обнаружена кость и массивное ребро животного. В районе, где должен располагаться таз умершего, фиксировались два углистых пятна.

К юго-восточному углу погребения примыкала круглая яма, диаметром 0,6 м, углубленная в материк на 0,15 м. Аналогичное сооружение перерезало северо-западный угол могильной ямы. Ее размеры: диаметр — 0,75 м, глубина в материке — 0,22 м. Назначение этих ям непонятно.

Могила ¹ 24 (рис. 32). Подчетыреугольное пятно размерами 1,95×1,35 м было ориентировано длинной осью по линии З—В. У северной кромки могилы отмечено скопление костей животных.

В заполнении ямы на глубине 0,2 м фиксировался тлен от деревянного перекрытия. На глубине 0,5 м в восточной половине были обнаружены разрозненные кости человека — локтевая, крестец, несколько ребер и позвонков, а у северо-западного угла — фаланга. У южной стенки прослежен деревянный тлен с вкраплениями углей. В юго-восточном углу на глубине 0,4 м зафиксирована ниша со следующими размерами: 0,2×0,8 м — в восточной стенке и 0,2×0,4 м — в южной. На дне могильной ямы на глубине 0,75 м *in situ* располагались кости таза и ног погребенного человека, судя по которым, умерший лежал на спине, с согнутыми в коленях и заваленными влево ногами, головой на восток. В районе костей таза найден развал керамического сосуда (рис. 32.-2). После реконструкции в лабораторных условиях получены следующие основные его размеры: высота — 12,5 см, диаметр по венчику — 10 см, тулову — 15 см, дну — 7,5 см. Сосуд имел горшковидную форму с сильно раздутым туловом и отогнутым наружу венчиком, срез которого был украшен вдавлениями, выполненными широкой лопаточкой. Орнамент на стенках нанесен гребенчатым орудием в технике шагания. Зона под венчиком украшена треугольниками, образованными диагональными рядами оттисков, а тулово — горизонтальными поясами. С обеих сторон от костей ног обнаружены остатки от погребальной пищи — ребра к.р.с. (?).

В центральной части могилы в беспорядке располагались кости человека. Необходимо отметить, что часть из них находилась в сочленении (позвонки с ребрами). Это может свидетельствовать о том, что захоронение было потревожено еще в древности, когда часть останков еще не разложилась полностью. У южной стенки могильной ямы фиксировался тлен от деревянной погребальной камеры, а в нескольких местах по дну могилы отмечены аналогичные следы от подстилки.

Могила ¹ 25 (рис. 31.-2). Могильное пятно овальной формы размерами 1,25×0,8 м, ориентированное длинной осью по линии

З—В, фиксировалось в материке на глубине 0,5 м от современной поверхности. На этом уровне, за пределами восточной кромки могилы, находился перевернутый череп человека. В яме глубиной 0,15 м предметов обнаружено не было.

Могила ¹ 26 (рис. 33.-1). Захоронение зафиксировано в древней погребенной почве на глубине 0,4 м от современной поверхности. Умерший взрослый человек лежал головой на восток, на левом боку с согнутыми в коленях ногами, а вытянутые руки располагались так, что кисти находились у колен. Слева от расчищенного костяка стояли два керамических сосуда (рис. 33.-2, 3). Один из них (рис. 33.-2) имел малые размеры: высота сосуда и диаметр по венчику — 5,5 см, тулову — 6,7 см, дну — 4,4 см. Срез венчика рассечен косыми вдавлениями лопаточки. Стенки украшены вертикальными или слегка наклонными рядами оттисков «гребенчатой качалки». Ряды чередовались с вертикальными зигзагами, нанесенными орудием с острым рабочим краем в технике прочерчивания. Придонная часть орнаментирована горизонтальным поясом из оттисков, выполненных в технике «гребенчатой качалки». Три пояса, нанесенные в аналогичной технике, присутствовали на дне сосуда. Второй сосуд (рис. 33.-3) имел более крупные размеры, чем первый: высота — 10 см, диаметр по венчику — 14,5 см, тулову — 15,5 см, дну — 10 см. На его стенках очень слабо читались следы оттисков «шагающей гребенки». Зона под венчиком, вероятно, была украшена вертикальными, а тулово — горизонтальными рядами оттисков. Срез венчика неровный и со следами заглаживания.

Могила ¹ 27 (рис. 34.-1). До ее фиксации на глубине 0,3 м от современной поверхности обнаружена кость животного. Прямоугольной формы могильное пятно имело размеры 1,44×0,8 м и было ориентировано длинной осью по линии З—В. На дне ямы на глубине 0,41 м от уровня материка в неповрежденном состоянии обнаружены только кости ног человека, судя по которым, умерший был похоронен на левом боку с согнутыми в коленях ногами,

головой на восток. В восточной половине могилы в беспорядке находились другие человеческие кости с многочисленными следами воздействия огня. Результаты такого воздействия хорошо «читались» на стенках могилы. В юго-западном углу могильной ямы у костей ног погребенного человека обнаружен сосуд баночной формы со слегка раздутым туловом (рис. 34.-2). Его параметры: высота — 11 см, диаметр по венчику — 14 см, тулову — 15 см, дну — 7 см. Стенки сосуда орнаментированы рядами оттисков «шагающей гребенки». Зона под венчиком украшена в вертикальном, а тулово и придонная часть — в горизонтальном направлении. Зона по тулову преднамеренно выделена слабо. Разделителем между туловом и придонной частью являлся волнистый пояс. Других находок в погребении не обнаружено.

Могилы ¹ 28 (рис. 35). Могильное пятно овальной формы размерами 4,1×2,1 м фиксировалось на глубине 0,65 м от современной поверхности и было вытянуто по линии З—В. Восточный контур пятна имел округлый выступ на 0,6 м. Таким образом, общая длина пятна составляла 4,7 м. Южную кромку могилы перерезала яма диаметром 0,6 м, глубиной 0,1 м. В заполнении ямы, у северной стенки на глубине 0,1 м от уровня материка, были зафиксированы две нижних челюсти животных. На этой же глубине размеры ямы уменьшились до 2,61×1,62 м. Ко дну могилы стенки ямы равномерно сужались: восточная — на 0,17 м; южная — на 0,32 м; северная — на 0,22 м. Исключение составляла западная стенка, которая имела две ступеньки: первая шириной 0,55 м находилась на глубине 0,2 м; вторая шириной 0,25 м — на глубине 0,4 м. Таким образом, размеры могильной ямы по дну составляли 1,44×0,9 м. На глубине 0,89 м был обнаружен скелет взрослого человека, уложенного на левый бок с согнутыми ногами. Степень скорченности очень сильная, так как пяточные кости примыкали вплотную к костям таза. Это может свидетельствовать о связывании ног умершего человека перед захоронением. Погре-

бенный ориентирован головой на восток, правая рука у него была согнута в локте, а левая вытянута вдоль туловища. У расчищенного в могиле скелета отсутствовали плечевая кость правой руки и череп, на месте которого находилась лопатка. Причины отсутствия костей в погребении не вполне понятны. С одной стороны, непотревоженные кости скелета и отсутствие признаков проникновения в могилу могут свидетельствовать о ритуальном или преднамеренном захоронении человека без головы. С другой стороны в восточной стенке могилы, как раз напротив должного месторасположения черепа, находилась округлая нора диаметром 0,15–0,2 м, действия жителя которой и могли стать причиной отсутствия некоторых из костей в скелете. Вероятно, об этом же свидетельствует и находка над могилкой нижней челюсти человека на глубине 0,3 м от современной поверхности.

Могилы ¹ **29** (рис. 36–38). Могильное пятно прямоугольной формы размерами 2,15×1,3 м было ориентировано длинной осью по линии З–В. Могильная яма имела подчетыреугольную «пристройку» размерами 0,75×0,65 м, которая соединялась с восточной кромкой пятна проходом размерами 0,45×0,2 м. «Пристройка» была углублена в материк на 0,1 м, в то время как глубина основной могильной ямы составляла 0,7 м. В заполнении могилы, начиная с глубины 0,3 м, в центральной и западной половине зафиксированы разрозненные кости от трех человек (двух взрослых и одного ребенка), среди которых находились черепа, ребра, длинные кости, ключицы, лопатка и др. Один череп взрослого человека хорошей сохранности был обнаружен стоящим на основании и лицевой частью ориентированным на юго-восток. На глубине 0,3 м вдоль южной, западной и северной стенок отмечен тлен от деревянной рамы. Ширина составляющих ее плах доходила до 0,07 м. Судя по тлену, погребальная камера примыкала вплотную к южной и северной стенкам ямы. Однако в западной части могилы деревянная внутримогильная конструкция располагалась на

расстоянии 0,2—0,25 м. В северо-восточном углу погребения найдены кости животного, среди которых отмечена челюсть м.р.с. У южной стенки на глубине 0,4 м обнаружен роговой втульчатый наконечник стрелы (рис. 38.-3). Изделие имеет ромбовидную форму абриса пера длиной 6 см, округлое сечение с максимальным диаметром 2,6 см. Втулка глубиной 2,4 см имела диаметр 1,4 см. Такой наконечник стрелы предназначался для охоты на пушного зверя. Данный предмет аналогичен деревянному изделию из могилы ¹ 1. Рядом с наконечником из рога найдено орудие, изготовленное из камня (рис. 37.-2). По форме изделие напоминает тесло. Его размеры 5,5×4,7×2 см.

На глубине 0,6 м около юго-восточного угла камеры обнаружено скопление орнаментированной керамики. На дне могильной ямы в центре обнаружены остальные части скелетов трех умерших:

1) от первого погребенного зафиксированы *in situ* таз, крестец, три позвонка и обломанные бедренные кости. Судя по расположению костей, умерший взрослый человек был похоронен на спине с согнутыми в коленях ногами, повернутыми влево;

2) к востоку от останков первого погребенного зафиксированы *in situ* нижние части скелетов еще от двух умерших (взрослого и ребенка). Положение костей свидетельствует о том, что тела были уложены на левый бок с подогнутыми в коленях ногами: один — головой на восток (ребенок), а другой — на северо-запад (взрослый);

3) у северной стенки камеры в сочленении найдены пять позвонков взрослого человека.

В центральной части обнаружены разрозненные кости людей (тазовые, грудина, нижние челюсти, позвонки, зуб и др.), а также крупный орнаментированный фрагмент стенки керамического сосуда. У юго-восточного угла камеры найден бронзовый втульчатый наконечник стрелы сейминско-турбинского типа (рис. 36.-3), в се-

веро-восточном углу — фрагмент керамики и челюсть м.р.с. В заполнении могильной ямы и на ее дне фиксировались обломки человеческой кости и несколько фрагментов костей животного (рис. 38.-1—2). После разборки материалов в лабораторных условиях выяснилось, что в могиле присутствовали фрагменты от одного полностью реконструируемого сосуда (рис. 36.-2). Его параметры: высота — 13,5 см, диаметр по венчику — 11,5 см, тулову — 13 см, дну — 7,5 см. Под венчиком сосуд украшен вертикальными, а по тулову — горизонтальными рядами «гребенчатой качалки». Кроме того, в погребении обнаружены два фрагмента от придонной части других двух сосудов. Один из них украшен вертикальными рядами оттисков гребенки с острыми зубцами в технике шагания (рис. 38.-4). Другой (рис. 36.-1) орнаментирован горизонтальными рядами «шагающей гребенки».

Могила ¹ 30 (рис. 39.-2). Захоронение было обнаружено в древней погребенной почве на глубине 0,36 м от современной поверхности. Сохранились только кости ног и фрагменты таза умершего, судя по которым, тело человека лежало на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. С правой стороны возле тазовых костей найден небольшой керамический сосуд (рис. 39.-1). Его параметры: высота — 6 см, диаметр по венчику — 10 см, тулову — 7 см, дну — 5 см. Сосуд открытой баночной формы был украшен вертикальными рядами оттисков «гладкой качалки», которые непрерывно тянулись от края венчика до центра дна.

Могила ¹ 31 (рис. 40.-1). Могильная яма прямоугольной формы размерами 1,37×1,02 м была ориентирована длинной осью по линии З—В. На глубине 0,14 м обнаружен скелет взрослого человека, который лежал на левом боку, с небольшим завалом на спину, с согнутыми в коленях ногами. Левая рука его была вытянута под углом к туловищу (кисть располагалась около пояса), а правая согнута в локте (кисть — в районе локтя левой руки). На черепе, между правым виском и глазницей, а также на левой бед-

ренной кости зафиксировано по одному небольшому точечному пятнышку светло-красного цвета (охра ?). Человеческий костяк лежал черепом на восток. Вещей в погребении не обнаружено.

Могила ¹ 32 (рис. 41.-1). Могильное пятно прямоугольной формы размерами 1,95×1,35 м было ориентировано длинной осью по линии З—В. В северо-восточном углу контура отмечено округлое пятно более темного заполнения диаметром 0,5 м, а по остальным углам и вдоль северной кромки фиксировались прокалы шириной до 0,03 м. В центральной части могилы обнаружались следы от повторного проникновения: округлое пятно более темного цвета, диаметром 1,3—1,5 м. Стенки могильной ямы несколько расширялись, поэтому ее размеры по дну составили 2,1×1,48 м, а глубина достигла 0,65 м.

В заполнении ямы фиксировались многочисленные следы огня: обгоревшие остатки деревянной погребальной камеры, мощный (до 0,25 м) прокал вдоль стенок могилы. На глубине 0,2—0,5 м в могиле обнаружены фрагменты керамики и скопление скорлупы от яйца птицы. Судя по сохранившимся остаткам, деревянная погребальная камера имела высоту около 0,4 м (от дна могильной ямы) и состояла из бревен диаметром до 0,2 м. Перекрытие было сложено из продольно уложенных плах шириной до 0,2 м, толщиной до 0,05 м. На момент раскопок оно просело и фиксировалось на глубине 0,55 м. У западной стенки, ближе к юго-западному углу, отмечен тлен от вертикально стоявшего столба, размеры сохранившейся части которого составляли такие параметры: диаметр — 0,2 м, высота — 0,2 м.

У восточной стенки был обнаружен лежавший поперек могилы обугленный, семигранный в сечении орнаментированный шест (рис. 41.-2), диаметром 5,5 см. Длина сохранившейся части составляла 25 см. Косые нарезки, выполненные острым металлическим (?) орудием, занимали шесть граней шеста. Данная находка, вероятно, являлась элементом погребальной конструкции. Об этом свиде-

тельствует расположение шеста и отсутствие орнамента на самой широкой его грани, которой, судя по всему, он и крепился к сооружению.

Останки трех погребенных были помещены на специально сооруженную подстилку, состоящую из деревянной рамы и прутьев. На раму из плах шириной от 3,5 (рис. 42.-5) до 9,5 см (рис. 42.-3—4), толщиной до 1,5 см сверху продольно укладывались прутья диаметром до 1 см (рис. 42.-6—10). Подстилка размерами 1,75×1,2 м имела многочисленные следы воздействия огня.

Сильно кальцинированные и обугленные останки людей размещались в мощном прокале. У скелета ¹ 1, расположенного в центральной части могилы, нетронутыми оказались лишь часть костей ног и череп, по расположению которых можно предположить первоначальную позу погребенного человека: на левом боку или на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. От скелета ¹ 2, лежавшего у южной стенки камеры, нетронутыми оказались череп, кости левой руки, часть позвоночника, кости ног. Судя по ним, умерший был похоронен в той же позе, что и первый. Разрозненные фрагменты сильно обугленных костей от первого и второго погребенного располагались в центральной части могилы и маркировали собой зону разрушения. Об этом также свидетельствует отсутствие плах перекрытия камеры в этой части. Скелет ¹ 3 оказался непотревоженным. Он располагался у западной стенки камеры «в ногах» первых двух. Умерший человек лежал в могиле на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на север. Его руки были согнуты в локтях (кисть левой располагалась на груди, а кисть правой — у локтя левой руки). Перед лицевой частью черепа находились кости стоп скелета ¹ 1. Длинные кости ног второго погребенного перекрывали кости стоп третьего. В районе таза у скелета ¹ 3 найдена бронзовая слегка выгнутая пластина размерами 10,8×2,0×0,4 см (рис. 42.-2), а также бронзовое четырехгранное шило длиной 6,7 см, толщиной 0,3 см (рис. 42.-1),

которое для более надежной фиксации в деревянной рукоятке имело немного раскованное окончание стержня.

Зачистка дна могильной ямы, после разборки погребения, в юго-западном углу могилы выявила столбовую ямку, диаметром 0,2 м и глубиной 0,05 м.

Могила ¹ 33 (рис. 43). Могильное пятно четырехугольной формы размерами 1,66×1,23 м было ориентировано длинной осью по линии З—В с небольшим отклонением к линии ЮВ—СЗ. Начиная с глубины 0,29 м и до дна (0,57 м), в заполнении могилы встречались разрозненные кости человека, причем некоторые из них располагались вертикально. Человеческие останки находились преимущественно в западной половине ямы. У северной стенки зафиксирован тлен от деревянной погребальной рамы. Размеры этой части конструкции составляли 1,1×0,03 м.

На дне могилы в центре нетронутыми оказались длинные кости ног ребенка, судя по которым умерший был похоронен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Больше ничего в погребении не обнаружено.

Могила ¹ 34 (рис. 44). Могильная яма подчетыреугольной формы размерами 2,67×2,1 м была углублена в материк на 0,94 м. Пятно ориентировано длинной осью по линии З—В с небольшим отклонением к линии ЮВ—СЗ. В заполнении могильной ямы встречались обгоревшие остатки от деревянной погребальной камеры — угли, куски дерева, а также сильно обожженная глина. В юго-западном углу могилы на дне обнаружены остатки вертикально стоявшего обгорелого столбика, диаметром 0,1 м. Мощные углистые прослойки с остатками обожженных плах фиксировались вдоль южной стенки на глубине 0,3 м. В западной половине могилы, начиная с отметки 0,5 м, отмечен прокол мощностью 0,25 м. На глубине 0,6 м в центральной части ямы располагалось скопление обломанных костей человека. Некоторые из них были со следами воздействия огня. Там же обнаружены зубы ребенка.

На дне могильной ямы в беспорядке лежали разрозненные кости трех людей (двух взрослых и ребенка). Останки занимали центральную часть погребения и располагались на подстилке, которая состояла из продольно лежавших деревянных плашек шириной до 0,03 м, покрытых берестой.

В могиле были обнаружены такие изделия из кости:

1) четырехгранный наконечник стрелы с обломанным черешком (рис. 44.-1). Он имел длину пера 9 см, в нижней части которого выделено округлое в сечении поджатие диаметром 0,9 см. При переходе пера к черешку у наконечника имелось хорошо выраженное плечо-упор для древка. Необходимо отметить некоторые особенности в морфологических параметрах рассматриваемого изделия: несоответствие большого, массивного пера и относительно хрупкого и малого в диаметре (всего 0,3 см) черешка. Вероятно, данное обстоятельство стало причиной того, что черешок изделия обломился. После этого вещь уже использовалась не как наконечник, а как проколка, о чем свидетельствуют характерные следы сработанности на острие орудия;

2) проколка (рис. 44.-3) длиной 4,3 см, диаметром 0,5 см. Орудие побывало в огне, в результате чего оно приобрело характерный белый цвет;

3) трубочка (рис. 44.-2) была длиной 3,9 см, диаметром от 1,0 до 1,4 см. Черный цвет изделия, как внутри так и снаружи, свидетельствует о воздействии огня, в результате чего оно покрылось слоем нагара.

Кроме изделий из кости в могиле было обнаружено бронзовое четырехгранное шило с остатками рукоятки (рис. 44.-4). Длина бронзового стержня составила 3,3 см, ширина — 0,2 см. От деревянной ручки сохранился только тлен. Судя по нему, рукоятка имела диаметр 1 см и длину около 5 см.

У западной стенки могилы фиксировался тлен от вертикально стоявшего столба диаметром 0,15 м и высотой 0,5 м. Шест, веро-

ятно, после сооружения погребения возвышался над могилой. Об этом свидетельствует небольшой выступ контура пятна на уровне материка.

Могила ¹ 35 (рис. 45.-1) с контуром подчетыреугольной формы, размерами 1,15×0,75 м оказалась углубленной в материк на 0,24 м и была ориентирована длинной осью по линии З–В. В центре ямы найден обломок трубчатой кости человека. На дне могилы в юго-западном углу зафиксировано небольшое скопление фрагментов человеческого скелета, среди которых можно отметить обломки трубчатых костей и ребер. Больше ничего в погребении не обнаружено.

Могила ¹ 36 (рис. 46) с контуром подчетыреугольной формы, размерами 2,25×1,75 м была углублена в материк на 1 м и ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На отметке 0,45 м вдоль западной стенки фиксировался тлен от деревянной плахи, которая, вероятно, являлась деталью погребальной камеры. На дне могилы лежали остатки подстилки из березовых жердей диаметром 5–10 см, уложенных продольно на деревянную раму, от которой сохранился тлен поперечной перекладины у северо-восточной стенки ямы.

Разрозненные кости взрослого человека располагались в северном углу камеры. У юго-восточной стенки могилы обнаружено несколько фрагментов костей животных, среди которых следует отметить ребро к.р.с. со следами в виде насечек, выполненных острым металлическим орудием, возможно, ножом (рис. 47.-4–5). Там же найдены фрагменты сосуда (рис. 47.-3). Срез венчика орнаментирован вдавлениями, край его сильно отогнут наружу, а стенка украшена горизонтальными рядами, выполненными в технике «отступающей палочки». По тулову фиксировался пояс зигзагообразных вдавлений, сделанных гладким орудием. Рядом с остатками разбитого сосуда обнаружен неорнаментированный фрагмент от придонной части, возможно, от того же изделия, что и венчик.

В центре могильной ямы в анатомическом порядке располагалась только верхняя часть скелета ребенка. Отсутствовали тазовые и длинные кости ног. Судя по зафиксированным останкам, ребенок был похоронен на левом боку, головой на северо-восток. В районе черепа обнаружен небольшой обломок свинцовой серьги (рис. 47.-1). Там же фиксировались вкрапления меловой (?) подсыпки. В погребении обнаружен фрагмент керамики, украшенный оттисками «гребенчатой качалки» (рис. 47.-2).

Как уже отмечалось выше, на территории памятника исследованы объекты так называемого ритуального характера. Ниже приводятся описания сооружений, создание которых можно с достоверностью датировать эпохой ранней бронзы.

2.2. Ритуальные сооружения и находки из межмогильного пространства

Объект ¹ 13 (рис. 4) представлял собой вытянутое с запада на восток овальное углубление размерами 3,6×3,3 м, глубиной 0,5 м. Его стенки сужались ближе ко дну. В центральной части объекта имелась подпрямоугольная яма размерами 1,3×0,8 м, глубиной 0,17 м. У северной стенки компактной кучкой располагались черепа и нижние челюсти (судя по размерам, они принадлежали к.р.с.). Остатки животных обнаружены на разной глубине. Одна челюсть найдена на отметке 0,3 м от современной поверхности еще до фиксации пятна. Другие кости обнаружены в заполнении сооружения на глубине 0,15–0,7 м от материка. В центральной яме объекта находился череп к.р.с., под которым обнаружен астрагал к.р.с.

Объект ¹ 15 (рис. 40.-2). Овальной формы пятно имело размеры 1,2×0,7 м и было вытянуто длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Неровное дно ямы фиксировалось на глубине 0,3 м от уровня материка. В заполнении и на дне обнаружены кальцинированные кости животных и фрагмент керамики, украшенный «ша-

гающей гребенкой» (рис. 67.-12). В юго-западной половине ямы найдены остатки коры. К северо-востоку от сооружения фиксировалось пятно прокаленной глины.

Объект ¹ 42 (поминальник возле могил ¹ 33–35). Он представлял собой округлую яму диаметром 1,45 м, глубиной в материке 0,19 м. Стенки сооружения сужались ближе ко дну (рис. 45.-2). Диаметр ямы по дну составил 1,15 м. В центре объекта в заполнении зафиксировано скопление кальцинированных костей диаметром 0,4 м. На уровне выявленного пятна (0,5 м от современной поверхности) в его северо-западной части обнаружены развалы от двух сосудов. У первого изделия реконструируется нижняя часть, украшенная горизонтальными рядами «шагающей гребенки». Диаметр дна составил 13 см (рис. 63.-1). Второй сосуд после реконструкции имел следующие основные параметры: высота — 34 см, диаметр по венчику — 29 см, тулову — 29 см, дну — 10,5 см (рис. 65). Его стенки украшены отпечатками «гребенчатой качалки». Зона под венчиком орнаментирована в вертикальном, а по тулову — в горизонтальном направлении. Разделителем между зонами являлся волнистый валик. Третий сосуд располагался на дне ямы под фрагментами первых двух. Он стоял в небольшой яме размерами 0,35х0,26 м, глубиной 0,9 м. Заполнение этого углубления состояло из темного пепла. Сосуд имел слегка отогнутый наружу венчик и шаровидное раздутое тулово (рис. 64). Его основные параметры: высота — 28,5 см, диаметр по венчику — 21 см, тулову — 27,5 см, дну — 13 см. Под венчиком был нанесен пояс из наклонно поставленного гребенчатого штампа, ниже шли вертикальные ряды, а по тулову — горизонтальные ряды отпечатков «гребенчатой качалки». Орнаментированная зона по венчикам разделена прямым валиком, который рассечен сверху и снизу поясом из наклонного гребенчатого штампа (в виде елочки). Дно сосуда украшено тремя рядами «гребенчатой качалки».

Перед тем как приступить к описанию материала, полученного в ходе исследования межмогильного пространства, необходимо от-

метить то, что все находки имели привязку к единой системе обозначений, которая начала использоваться в 1996 г. при раскопках курганов монгольского времени ¹ 5 и 6.

1. Фрагмент толстостенного керамического сосуда светло-коричневого цвета обнаружен в кв. К'-19 (рис. 49.-1) и имел следы лощения как с внутренней, так и с внешней стороны. Толщина стенки достигает 1,3 см. Орнамент представляет собой горизонтальные ряды отпечатков палочки в технике протаскивания с элементами накола («отступающая палочка»).

2. Стенка керамического изделия светло-серого цвета обнаружена в кв. К'-18 (рис. 53). Сосуд полностью реконструируется. Горловина и днище имели в плане форму круга, а тулово — форму квадрата, со слегка закругленными углами. Параметры сосуда: высота — 20 см, диаметр по венчику — 15 см, дну — 15 см, ширина тулова — 15 см. Вся площадь сосуда, за исключением придонной зоны, была орнаментирована горизонтальными рядами оттисков «отступающей палочки». Композиционно орнаментированное поле состояло из трех зон, разделителями между которыми являлись волнистые двойные «пояса». На внутренних стенках сосуда в углах тулова фиксируются следы нагара.

3. Девять фрагментов керамики от одного сосуда из кв. К'-18—19 (рис. 50) были орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «отступающей палочки».

4. Развал сосуда (рис. 51.-2—4) обнаружен в 5 м к востоку от могилы ¹ 1. Изделие было орнаментировано гребенчатым орудием в технике шагания.

5. Развал реконструируемого сосуда (рис. 52) обнаружен в 5 м к востоку от могилы ¹ 2. Его параметры: высота — 17 см, диаметр по венчику — 21 см, тулову — 21 см, дну 11,5 см. Стенки сосуда украшены «шагающей гребенкой». Зона под венчиком содержит вертикальные, а тулово — горизонтальные ряды оттисков. Разделителем между зонами является прочерченный палочкой желобок.

6. Фрагменты сосуда обнаружены на дне рва в кв. Г-19 (рис. 49.-2–3). Слегка отогнутый наружу венчик имеет волнистую кромку, сформировавшуюся в результате нанесения пальцевых вдавлений на верхнюю грань. Стенка сосуда орнаментирована шестизубой гребенкой в технике шагания. В тесте керамики визуально фиксируются вкрапления руды, которые имеют характерный зеленоватый цвет.

7. Развал сосуда обнаружен на дне рва в кв. В-1 (рис. 48). Его параметры после реконструкции таковы: высота — 31 см, диаметр по венчику — 31 см, тулову — 31, дну — 13 см, максимальная толщина стенок — 1 см. Зона под венчиком украшена орудием в виде палочки в технике протаскивания с элементами накола, а тулово — гребенчатым орнаментом в технике шагания. На внутренней стороне сосуда фиксируется мощный нагар, что говорит о его долгом хозяйственном использовании. Об этом же свидетельствуют следы починки сосуда. После того как посудина лопнула, по обе стороны от трещины были просверлены отверстия, в которые продевался шнур для стягивания расколотых частей.

8. Венчик сосуда обнаружен в заполнении рва в кв. В-20 на глубине 0,75 м. Зона под венчиком украшена диагональными рядами оттисков «шагающей гребенки». Ниже был нанесен наклепной волнистый валик (рис. 67.-1).

9. Фрагмент керамики из кв. А-26 орнаментирован горизонтальными рядами оттисков «отступающей гребенки» (рис. 67.-7).

10. Придонная часть из кв. Б-25 украшена горизонтальными рядами «шагающей гребенки» (рис. 67.-3).

11. Четыре фрагмента от одного сосуда из кв. Б-25 были орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки» (рис. 67.-8–11).

12. Развал сосуда (нижняя часть) обнаружен в кв. А-39 (рис. 51.-1). Толщина стенок — 1 см, диаметр по дну — 9 см. Придонная часть украшена горизонтальными рядами «шагающей гребенки».

13. Развал реконструируемого сосуда (рис. 55) из кв. Г'-53 имел следующие основные параметры: высота — 17 см, диаметр по венчику — 17 см, тулову — 17 см, дну — 8 см. Сосуд горшковидной формы с хорошо читаемым ребром на тулове. Венчик слегка отогнут наружу. Его срез волнистой формы, так как на его внешней кромке был нанесен пояс из косых насечек. Сосуд украшен зубчатым орнаментом, однако из-за нечеткости отпечатков создается впечатление, что керамика украшена гладким орудием. Зона под венчиком орнаментирована вертикальными рядами, а зона тулова — горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки».

14. Развал сосуда (рис. 56) баночной формы из кв. Г'-52 был орнаментирован горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Срез венчика — волнистой формы, что было достигнуто путем нанесения вдавлений на верхней край. Параметры сосуда: высота — 34,5 см, диаметр по венчику — 29 см, тулову — 29 см, дну — 16 см.

15. Развал сосуда из кв. Г'-54. Из-за отсутствия необходимого количества фрагментов изделие не поддается реконструкции. Всего обнаружено 16 обломков: из них 5 экз. от венчика (рис. 54.-1—2), 1 экз. от придонной части (рис. 54.-3) и 10 экз. от стенок. Диаметр дна сосуда, восстановленный по придонной части, составил 17 см. Срез венчика украшен ямочными вдавлениями, выполненными орудием в виде лопатки. Стенки сосуда орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки».

16. Сосуд из кв. Г'-19 (рис. 61) имел следующие параметры: высота — 34,5 см, диаметр по венчику — 33 см, тулову — 33 см, дну — 15,5 см. Он украшен рядами оттисков «гребенчатой качалки». Зона под венчиком орнаментирована вертикальными, а по тулову — горизонтальными рядами. Разделителем между ними являлся волнистый валик.

17. Развал сосуда обнаружен в кв. А-33 (рис. 62.-3). Реконструируется нижняя часть сосуда. Диаметр по дну составляет

12 см. Придонная часть украшена горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки».

18. Развал сосуда в кв. Г'-40 (рис. 62.-1). Сохранившаяся часть орнаментирована горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Особенностью данного фрагмента является хорошо фиксируемый в изломе волнистый валик. Вероятнее всего, это следы своеобразных особенностей технологического производства посуды. Для более надежной сцепки глиняных лент их края оформлялись волнистым хорошо сформированным срезом (по аналогии с волнистым срезом венчика). Вложение подобным образом краев друг в друга и дальнейшее заглаживание швов, обеспечивало высокое качество оформления стенок. Диаметр днища сосуда был 11 см.

19. Фрагмент керамики из кв. Г'-40 (рис. 62.-2) украшен горизонтальными рядами «шагающей гребенки».

20. Развал сосуда из кв. Д'-36 (рис. 63.-2). Реконструируется нижняя часть, оформленная горизонтальными рядами «шагающей гребенки». Диаметр по дну составлял 9 см.

21. Стенка сосуда из кв. Д'Е'-43 (рис. 66.-1). Диаметр сосуда по венчику — 22 см. Срез венчика украшен вдавлениями. Стенка орнаментирована горизонтальными рядами, выполненными в технике протаскивания с элементами накола орудием в виде палочки.

22. Фрагменты керамики, украшенные горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки», были зафиксированы в кв. Д'-36 (рис. 66.-3) и Г'-39 (рис. 67.-4–5).

23. Венчик от сосуда, оформленный горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки», с вдавлениями по срезу обнаружен в кв. Ж'-36 (рис. 66.-2).

24. Еще один венчик, орнаментированный в технике «отступающей палочки», найден в кв. Г'-47 (рис. 67.-2).

25. Фрагмент от стенки сосуда, украшенный горизонтальными рядами «отступающей палочки», обнаружен в кв. В'-50 (рис. 66.-6).

26. Придонная часть (рис. 69.-6) из кв. Г'В'-51 орнаментирована наколами.

27. Придонная часть (рис. 66.-10) из кв. Е'-40 имела горизонтальные ряды «гребенчатой качалки».

28. Неорнаментированная придонная часть сосуда (рис. 66.-11) обнаружена в кв. Д'Е'-39—40.

Таким образом, из межмогильного пространства исследованной территории памятника происходят 10 археологически целых сосудов, а также 11 придонных частей и днищ. Еще в коллекции имеются 11 фрагментов венчиков и около 30 обломков стенок разных сосудов. В главе IV и приложении III приводится анализ керамического комплекса и отражены основные результаты такого рассмотрения.

Кроме представленных материалов, отметим еще два интересных местонахождения.

В 4 м к юго-востоку от могилы ¹ 1 обнаружен приклад из каменных предметов (рис. 2). Вещи были уложены в определенном порядке (рис. 59). Три шарообразных булыжника располагались в ряд вдоль расколотой гальки вытянутой формы. Длина последнего ударного орудия составила 15 см, диаметр — 9 см (рис. 57). Средний диаметр шаровидных камней — 5 см (рис. 58).

При раскопках кургана ¹ 14 монгольского времени в культурном слое погребально-поминального комплекса елуинской культуры на глубине 0,33 м от современной поверхности был обнаружен крупный каменный блок с оформленными в разных плоскостях углублениями (рис. 60). Этот предмет из гранита был предварительно интерпретирован нами как «алтарь» (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 250—251).

Таким образом, полученные при раскопках памятника Телеутский Взвоз-I материалы создают хорошую основу для дальнейшего изучения культуры населения эпохи ранней бронзы юга Западной Сибири.

Глава III

ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализ материалов, полученных в результате исследования памятника Телеутский Взвоз-I, проводился по наиболее значимым, по нашему мнению, параметрам и элементам, которые удалось зафиксировать при раскопках. Подавляющее большинство погребений на могильнике принадлежит одиночным захоронениям — 21 могила (60%). За 100% взяты данные 35 объектов, в которых удалось определить количество умерших людей. К парным погребениям можно отнести 8 могил (23%). Коллективные захоронения с тремя умершими и более зафиксированы в 6 могилах (17%).

Внутримогильные конструкции. Остатки от внутримогильных погребальных конструкций отмечены в 13 могилах (¹ 1–3, 7–8, 10, 16, 24, 29, 32–34, 36). В основном это был тлен от деревянных деталей сооружения. Конструкция, судя по сохранившимся следам, состояла из деревянной рамы и перекрытия, которое сооружалось из плах, уложенных в могиле продольно. Сверху на них в некоторых случаях помещали бересту. Погребальная камера оформлялась, вероятнее всего, прямо в могиле. Об этом свидетельствуют специально оставленные земляные приступки в могилах ¹ 1 и 14 (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 116). Иногда могильную яму преднамеренно делали больших размеров, чтобы оставить место для установки деревянной конструкции, как это отмечено в могиле ¹ 7 (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 252). Размеры внутримогильных сооружений зависели от количества погребенных.

В некоторых могилах (¹ 16, 32, 34) фиксировались остатки вертикально стоявших столбиков. Часть их, вероятно, являлась

элементами деревянной конструкции и надмогильных сооружений. Так, в могиле ¹ 34 у западной стенки обнаружен тлен от вертикально стоявшего столба, диаметром 0,15 м, который, возможно, возвышался над могилой. По крайней мере об этом свидетельствует небольшой выступ контура пятна могильной ямы на уровне материка, расположенный прямо над остатками столбика. Не исключено, что такие шесты использовались не только для маркировки захоронения, но и имели дополнительное оформление и назначение.

Умерший человек укладывался на специально подготовленную погребальную подстилку в деревянной раме. Следы подобной конструкции зафиксированы в 11 могилах (¹ 1–3, 7, 10, 12, 16, 24, 32, 34, 36). Веточки, камыш, жерди или плашки шириной от 2 до 5 см располагались продольно на дне могильной ямы. Их края фиксировались на раме. Сверху этого лежала береста в несколько слоев (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 251). В некоторых случаях, перед тем как уложить тело умершего на подготовленную подстилку, на нее посыпалась зола. Такой факт зафиксирован в могиле ¹ 10. Это объясняется, вероятно, верой в очистительную функцию подобной практики. Не исключено, что в этих же целях использовалась меловая (?) или известковая (?) подсыпка.

Интересной находкой является обнаруженная в могиле ¹ 32 деревянная деталь. У восточной стенки, поперек камеры, лежал обугленный, семигранный в сечении, диаметром 5,5 см орнаментированный шест (рис. 41.-2). Длина сохранившейся части составила 25 см. Косые нарезки, выполненные острым металлическим (?) орудием, занимали шесть граней шеста. О том, что данная находка являлась частью погребальной конструкции или подстилки, свидетельствует расположение шеста, а также отсутствие орнамента на самой широкой его грани, которой, судя по всему, он и закреплялся.

Ориентация погребенных людей по сторонам света.

Анализ общего количества погребенных показал, что в большинстве случаев умерших укладывали головой на северо-восток

(16 случаев — 48,5%) и восток (13 — 39,5%). За 100% были взяты данные об останках 33 людей, по ним удалось определить ориентацию по сторонам света. В других случаях умершие лежали головами на юго-восток (6%) и север (6%). Необходимо отметить, что последний показатель (на север) зафиксирован только в коллективных захоронениях (могилы ¹ 29, 32), где присутствовали погребенные, ориентированные еще на восток и северо-восток. Аналогичные случаи, когда в коллективной могиле умершие лежали головами в разные стороны света, отмечены на других могильниках елунинской культуры. Например, в могиле ¹ 2 на памятнике Цыганкова Сопка-II (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 114) одна пара умерших была ориентирована головами на восток, а другая — на юго-запад. Таким образом, традиционной ориентацией для погребального обряда, зафиксированного на могильнике Телеутский Взвоз-I, можно считать преобладающее положение умерших людей головами в восточный сектор (94%) с отклонениями к северо-востоку или юго-востоку. Вероятнее всего, это связано с определением ориентировок по солнцу (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985).

Положение погребенных людей в могилах. На основе имеющихся данных можно судить о том, что преобладает положение погребенных на левом боку, с согнутыми в коленях ногами (за 100% были взяты данные 33 погребенных людей, по останкам которых удалось определить первоначальную позу). В таком реконструированном виде располагались 24 умерших человека (72,7%) в 20 могилах (¹ 5, 7–8, 11, 15, 17–8, 21, 23, 26–33, 36). Необходимо уточнить, что в эту группу также вошли данные о положении умерших людей, от которых сохранились только останки ног, согнутых в коленях и заваленных влево. Укладывались ли погребенные на бок или на спину, в таких случаях определить не представляется возможным.

Еще одной позой, характерной для погребального обряда рассматриваемых комплексов, является положение умершего на спину

с согнутыми в коленях и повернутыми влево ногами. Таких случаев отмечено восемь (24,2%) в пяти могилах (¹ 1, 10, 16, 24, 29). Пока не зафиксировано ни одного варианта, когда такое положение костей ног погребенного можно было бы рассматривать завалившимся, а первоначальную их позу определять как «согнутые и вверх коленями», что, например, хорошо продемонстрировано при исследовании памятника афанасьевской культуры Бертек-33 (Савинов Д.Г., 1994, с. 39–49). Хотя полностью исключать это пока не стоит. Тем не менее более вероятно то, что умерший укладывался на спину с преднамеренно подогнутыми ногами и направленными влево. Иначе сложно объяснить, почему во всех восьми случаях ноги завалились влево и нет вариантов, когда — вправо.

Указанное выше заключение подтверждают и наблюдения, произведенные в результате анализа зафиксированных останков человека и погребальной пищи в могиле ¹ 15. Расположение погребальной пищи (грудинка овцы и яйцо птицы), непосредственно на костях ног погребенного, свидетельствует о том, что ноги умершего были согнуты в коленях и преднамеренно повернуты влево. Другой вариант объяснения того, что первоначально ноги умершего были поставлены на ступни коленями вверх, а только в результате разложения мягких тканей завалились влево, противоречит местонахождению останков погребальной пищи на костях ног. Возможно, мясо и яйцо находились в сумочке, сделанной из органических материалов (кожа, растительные волокна и др.), которые в процессе археологизации не сохранились.

О том, что левая сторона в представлении людей изучаемой культуры играла важную роль, говорит и другой факт. У всех умерших, уложенных на спину, были не только подогнутые в коленях ноги. Их головы и руки также повернуты влево. Кроме того, не исключено, что умерших укладывали на бок, но в процессе разложения мягких тканей, останки заваливались на спину.

На правом боку с согнутыми в коленях ногами, был похоронен лишь один ребенок в могиле ¹ 20 (3,1%). Таким образом,

характерной погребальной позой следует считать положение умершего на левом боку или на спине с согнутыми в коленях ногами, повернутыми влево, — 96,9%.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях можно говорить о том, что ноги умершего перед погребением связывались. Об этом свидетельствует материал могилы ¹ 28. Степень «скорченности» погребенного может быть охарактеризована как очень сильная, так как пяточные кости примыкали вплотную к тазовым. Это может отражать случай связывания бедренных и берцовых отделов ног умершего человека перед захоронением.

Зафиксированное положение рук очень разнообразно:

- согнутые в локтях, кисти у лица — могила ¹ 20;
- согнуты в локтях, кисть одной руки — у лица, другой — напротив груди — могила ¹ 21;
- полусогнуты, кисти на левом бедре — могила ¹ 1;
- согнуты в локтях, повернуты влево — могилы ¹ 1, 3, 11, 16;
- согнутые в локтях, кисти на груди — могилы ¹ 10, 32;
- одна рука с согнутой кистью вытянута под углом к туловищу, другая согнута в локте и в кисте — могила ¹ 7;
- одна рука вытянута под небольшим углом вдоль туловища, другая — слегка согнута в локте, кисть на левом бедре — могила ¹ 16;
- руки вытянуты, кисти в районе колен — могила ¹ 26.

Определить, чем диктовался выбор того или иного положения рук умершего при погребении, на данном этапе изучения пока не реально. Возможно, это было связано с различными причинами смерти, с половозрастными особенностями или другими ситуациями. Также вероятным объяснением такого разнообразия положения рук умерших является отсутствие строго детерминированного, закрепленного традицией ритуала, который связан с рассматриваемым элементом погребального обряда.

«Вторичные» и впускные погребения. Большой процент в раскопанных могилах принадлежит захоронениям, в которых ос-

танки погребенных находятся не в анатомическом порядке. В таких случаях определенной проблемой является их интерпретация (Грушин С.П., 2000б, с. 14–16). Особенно сложно отличить ограбленные или оскверненные погребения от так называемых вторичных захоронений, так как в обоих случаях археологически фиксируемые следы таких действий часто совпадают.

В связи с этим определенной необходимостью является процедура выделения диагностирующих признаков «вторичных» захоронений. Исходной посылкой при выделении таких показателей является идея о том, что устроители «вторичного» захоронения и грабители по-разному относились к останкам погребенного человека, а следовательно, и следы от соответствующих действий должны быть различны.

В ходе анализа имеющихся материалов и непосредственных полевых наблюдений были сделаны следующие выводы. Факты ограбления или осквернения определяются, во-первых, наличием костей человека в заполнении могильной ямы и, во-вторых, сочетанием зафиксированных *in situ* костей человека, отражающих каноны погребального обряда, с отсутствием или с беспорядочным положением других частей скелета в одной могиле. Так, в ряде погребений фиксируются нетронутые останки ног, уложенных подогнуто и влево, а остальные кости находятся в беспорядке. Такие факты отмечены в могилах ¹ 4–5, 8, 17–18, 23–24, 27, 29–30, 32, 34. Аналогичная ситуация отражена в объектах ¹ 2 и 3 на памятнике Староалейка-II (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1980, с. 81–83). Как ограбление, осквернение или обезвреживание покойника, вероятно, следует интерпретировать случаи, когда в беспорядке находились только кости ног (например, могила ¹ 36 на памятнике Телеутский Взвоз-I). На Староалейке-II подобные следы отмечены в могиле ¹ 64 (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 109).

К «вторичным», по нашему мнению, относятся погребения в могилах ¹ 15 и 19 рассматриваемого комплекса. «Классическим»

и бесспорным примером является следующая ситуация: кости людей лежат в центре могильной ямы небольшой компактной кучкой, а рядом располагаются два обожженных черепа. Такая картина зафиксирована в объекте ¹ 19. Достаточно интересные наблюдения удалось сделать в результате анализа расположения останков людей в могиле ¹ 15:

- погребение носило следы явного проникновения в северо-восточной половине могильной ямы;
- юго-западная часть захоронения осталась нетронутой, о чем свидетельствуют лежавшие *in situ* кости ног, таза и руки, а также непотревоженные остатки погребальной пищи и сосуд;
- судя по расположению костей и размерам могильной ямы, погребение сооружалось для одного человека;
- в северо-восточной половине присутствуют останки уже от двух человек (складывается впечатление, что кости одного из них были специально уложены кучкой, так как череп поставлен на основание).

Указанные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что мы имеем дело со следами синкретичных обрядовых действий, которые можно реконструировать следующим образом. Первоначально погребался один умерший человек по таким канонам: на левом боку или на спине, головой на северо-восток, с согнутыми в коленях и наклоненными влево ногами. Затем в северо-восточную половину этой же могильной ямы спустя некоторое время было совершено подзахоронение останков другого человека (по сути вторичного характера). Это было сделано после того, как тело второго умершего успело разложиться и в могилу кости уже помещены кучкой, а череп был поставлен на основание. В процессе подзахоронения останки первого погребенного оказались потревожены. Отсутствие среди костей нетронутых частей скелета позволяет предположить, что вторичное захоронение было совершено, после того как мягкие ткани первого погребенного уже разложились.

Иногда до захоронения тело умершего помещалось на специально сооруженный над могилой погребальный помост. Реконструкция такого обряда, зафиксированного в могиле ¹ 6 памятника Староалейка-II, осуществлена Ю.Ф. Кирюшиным (1987). После разложения связок останки умершего укладывались сначала в мешок, а затем помещались в могилу под настилом.

Отсутствие признаков подобного настила (столбовые ямки по углам на дне могильной ямы) не исключает другого способа первоначального захоронения умершего (например, воздушный, широко известный у коренных народов Сибири). Однако такой вариант археологически не фиксируется.

Выделенные диагностирующие признаки вторичных захоронений позволили отнести к такому типу часть исследованных погребений на памятнике Телеутский Взвоз-I и интерпретировать нарушенные останки в большинстве погребений как результаты ограбления, осквернения или обезвреживания покойников.

Как результат неодноактовой погребальной деятельности, вероятно, следует считать вторичное захоронение, впущенное в могилу ¹ 15. Кости человека, похороненного позже, лежали компактной кучкой (череп находился сверху и стоял на основании), а останки предшественника были частично разрушены. В анатомическом порядке сохранились лишь кости ног. Отсутствие среди нарушенных частей скелета нетронутых останков свидетельствует о том, что подзахоронение совершено уже после того, как мягкие ткани разрушились. Аналогичная ситуация отмечена в могиле ¹ 1 на памятнике Староалейка-II (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1980, с. 79). Но при этом скелет предшественника не был нарушен. Признаком данного действия выступало наличие гумусированной прослойки мощностью 1–3 см между останками людей в погребении.

Кенотафы. На могильнике Телеутский Взвоз-I исследован, по нашему мнению, один кенотаф — объект ¹ 15. В нем зафиксированы остатки коры, мелкие кальцинированные кости и фрагмент

керамики. Важно отметить, что рассматриваемый объект входил в одну планиграфическую группу с реальными погребениями.

На могильнике Староалейка-II исследовано четыре кенотафа (могилы ¹ 17, 70–72), представлявшие собой неглубокие (0,3 м) ямы, в которых не зафиксированы остатки умерших (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1980, с. 105). Данные объекты также входили в одну планиграфическую группу с реальными погребениями. Никакого инвентаря, кроме металлической бусины в могиле ¹ 70, в кенотафах не обнаружено. Могильные ямы ¹ 70–72 имели небольшие размеры (0,4x0,15 м), что позволило их трактовать как детские погребения, в которых по объективным причинам не сохранились кости скелетов (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 111). В данном случае мы имеем дело с «фиктивными» кенотафами (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 24). Возможно, исключение составляет могила ¹ 17 памятника Староалейка-II. Она имела стандартные размеры для погребения взрослого человека и там были зафиксированы охра и угли (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 105).

Использование животных в погребальном обряде. Костные останки животных зафиксированы в 25 могилах (¹ 1–3, 7–12, 14–16, 18, 20–24, 28–29, 31–34, 36). Данные находки представлены костями м.р.с., к.р.с., лошади, диких животных, птиц и рыб. Отдельно необходимо отметить скорлупу яиц, обнаруженную в двух могилах (¹ 15, 32).

Кости животных найдены на дне и в заполнениях могильных ям. Много таких свидетельств обнаружено на территории могильника в межмогильном пространстве и в заполнении ритуальных объектов. В большинстве случаев данные факты можно интерпретировать как остатки погребальной заgrabной пищи, предназначенной для души умершего родственника. Особенно достоверно об этом свидетельствуют, на наш взгляд, находки двух ребер и кости ноги м.р.с. в керамическом сосуде на дне могилы ¹ 21, а также другие данные (могилы ¹ 1, 15, 24).

Часть костей животных, происходящих с территории могильника и найденных вне погребальных комплексов, можно трактовать как остатки поминальной тризны, совершаемой периодически родственниками.

Вероятно, как следы жертвоприношений следует объяснить наличие черепов и нижних челюстей лошадей, к.р.с., м.р.с. в заполнении могильных ям и ритуальных сооружений, исследованных на площади памятника. Интересно, что в остеологической коллекции, полученной с поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука, находки данных частей скелетов животных практически полностью отсутствуют. Это, вероятно, объясняется использованием их в ритуальных целях в процессе реализации погребально-поминальной обрядности.

Археозоологический анализ, проведенный П.А. Косинцевым (см. приложение VI), показал, что особенностью костного состава комплекса Телеутский Взвоз-I является уже отмеченное наличие отдельных нижних челюстей и черепов без нижних челюстей. Причем это характерно для всех видов жертвенных животных.

Таким образом, результаты исследования на памятнике Телеутский Взвоз-I позволили выявить несколько ритуальных функций, которые отводились животным в погребально-поминальном обряде. Среди них можно отметить следующее:

- использование частей животных в качестве заупокойной пищи, предназначенной для нужд души похороненного человека в ином мире;
- в качестве поминальной тризны;
- использование животных для жертвоприношений.

О важной роли, которую играли в религиозной жизни в рассматриваемый период образы лошади и барана, говорит культовая символика. Полные виды и изображения отдельных голов этих животных присутствуют на навершиях бронзовых ножей из Елунино-I (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 4) и Ростовки (Черных Е.Н.,

Кузьминых С.В., 1989, рис. 60.-2), а также на каменных пестах-жезлах из Восточного Казахстана, Алтая и Монголии (Леонтьев Н.Л., 1975, с. 64; Черников С.С., 1960, рис. 21; Новгородова Э.А., 1989). Четыре подобных изделия происходят из разрушенной могилы в районе с. Шипуновка (Алтайский край). Одно изделие из них увенчано головой лошади, оформленной в сейминско-турбинской манере, а другое — барана (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 2001, рис. 1-4). Важно отметить, что вместе с данными находками обнаружена стенка керамического сосуда, орнаментированная в елунинской манере декорирования.

Раскопки поселений эпохи ранней бронзы (Кольванское-І, Березовая Лука и др.) позволили говорить о развитом скотоводческом хозяйстве населения, оставившем такие памятники. В рассматриваемую эпоху на юге Западной Сибири люди занимались преимущественно разведением м.р.с., лошадей, к.р.с. (Алехин Ю.П., Гальченко А.В., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1998; Тишкин А.А., 2002). Такое направление хозяйства не могло не отразиться на содержании религиозных воззрений, а следовательно, определило и большое значение животных в погребально-поминальной практике.

Использование огня. Огонь являлся важным элементом в погребальном обряде населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы (Лузин С.Ю., 1983, с. 63). Об этом в полной мере свидетельствуют многочисленные следы огня в могилах, исследованных на памятнике Телеутский Взвоз-І. Они представлены кусочками углей, обгорелыми остатками погребальной камеры, обожженной глиной, золой и т.д. (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 100; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 116; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 251–252). Иногда костер разводился возле вырытой ямы и лишь потом его сдвигали в могилу. В этом случае кости умершего оказывались частично повреждены огнем. Остатки костра сразу засыпались

сверху землей, о чем свидетельствует зафиксированное обугливание берестяных подстилок, произошедшее без доступа кислорода. Археологическими фактами, указывающими на совершение подобной погребальной практики, являются: наличие сожженных остатков деревянной конструкции, мощные (до 0,2 м) прокалы по периметру могильной ямы (на ее стенках и внутри погребения), обугленные и кальцинированные кости человека. Иногда костер разводился на перекрытии, т.е. сразу же после того, как тело умершего было уложено в погребальную камеру по всем канонам обряда. Такие факты также четко фиксировались при раскопках.

Вероятно, что огонь имел очистительную функцию. Такое использование его было широко распространено в практике скотоводов вплоть до монгольского времени включительно.

Другие особенности погребального обряда. На всех могильниках эпохи ранней бронзы, исследованных в Верхнем Приобье, отмечены погребения, в которых обнаружена охра: отдельные кусочки, следы на некоторых костях; полностью окрашенные скелеты. На памятнике Староалейка-II данное обстоятельство зафиксировано в могилах ¹ 3, 17–18, 25, 51, 63–65 (Кирюшин Ю.Ф., 1987). Окрашенное охрой древко стрелы найдено на Ордынском-I (Зах В.А., 1979, с. 31).

На могильнике Телеутский Взвоз-I, кроме охры, в ряде исследованных погребениях обнаруживалась меловая (?) или известковая (?) подсыпка (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 117).

Широко в погребальной практике елунинских племен были распространены обрядовые действия с отделенной головой или черепом человека. Перед рассмотрением конкретных ситуаций, зафиксированных на памятниках, необходимо ответить на вопрос: «Имеем ли мы дело со следами ритуальных действий, связанных с человеческим черепом или головой?». Наблюдения над условиями фиксации подобных следов позволяют говорить о первом варианте,

поскольку у всех отдельно обнаруженных черепов отсутствовали или располагались в другом месте нижние челюсти. Данное обстоятельство, как нам кажется, не дает основания считать, что мы имеем дело со следами ритуальных действий, связанных с головой человека. На материале исследованных погребений памятника Телеутский Взвоз-I можно выделить несколько вариантов обнаруженной практики:

- наличие черепа человека в отдельном погребении, размеры которого рассчитаны на целое тело умершего человека — могила ¹ 25. В объекте ¹ 63 могильника Староалейка-II захоронены два человеческих черепа, засыпанные охрой, а между ними была обнаружена нижняя челюсть лошади (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 109). В отличие от могилы ¹ 25 на Телеутском Взвозе-I яма на памятнике Староалейка-II имела малые размеры, не рассчитанные на все тело человека;

- в некоторых случаях черепа лежали не на дне могилы, а на уровне материка или в заполнении могильной ямы до деревянного перекрытия. Примером этого может служить захоронение, совершенное в могиле ¹ 1.

Череп людей в канавках на дне могильной ямы отмечены в погребальном объекте ¹ 6 памятника Староалейка-II. Там находились части скелетов от 3—4-х взрослых и нескольких детей. В заполнении могилы встречены два человеческих черепа, а в канавках на дне могилы — восемь черепов взрослых людей. В общей сложности там зафиксированы останки 17—19 человек (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 105).

Важно отметить, что большинство захоронений черепов, независимо от конкретных условий погребения, объединяет размещение их на основании. Это в некоторых случаях позволяет трактовать отмеченные моменты как результаты обрядовой практики, а не как следствия ограбления или осквернения. Аналогичные факты отмечены на могильнике Сопка-II в Барабе (Молодин В.И., 1985,

с. 81). Захоронение черепов взрослых людей, поставленных на основания поверх погребения ребенка, обнаружено в могиле ¹ 14 памятника Маринка в Восточном Казахстане, который относится к раннему периоду андроновской культуры (Ткачев А.А., Винокурова Е.И., 1994). Важно отметить, что в описанных случаях захоронение черепов сопровождало погребение ребенка. Отмеченные результаты ритуальных действий отражают сложную картину мировоззренческих представлений населения, оставившего рассматриваемые памятники. Имеется несомненная перспективность дальнейшего комплексного изучения данной проблематики.

Из 36 раскопанных могил на Телеутском Взвоз-1 13 оказались безынвентарными. Среди найденных предметов можно отметить керамические сосуды, как правило, баночной формы, небольших размеров, которые были обнаружены в девяти погребениях. Они помещались в районе головы, ног или пояса. В могилах ¹ 16, 20, 26 найдено по два сосуда. Расположение инвентаря в погребениях очень разнообразно. Захоронение сопровождалось стрелами с костяными, каменными или металлическими наконечниками. В одной из исследованных могил найден фрагмент деревянной томары (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 118). Бронзовый инвентарь представлен сейминско-турбинским наконечником стрелы, хозяйственными ножами небольших размеров, четырехгранными шильями с деревянными рукоятками и чехлами (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998). Среди каменного инвентаря можно отметить диск, наконечники стрел и некоторые другие вещи. В могиле ¹ 1 обнаружено 16 астрагалов м.р.с., десять из которых подшлифованны с одной стороны, остальные — с другой (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 117).

Важная деталь погребального обряда населения эпохи ранней бронзы, по сравнению с предшествующим и последующим периодами, — это небольшое количество найденных украшений (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова А.Л., Тишкин А.А., 2002). Среди

них можно отметить металлические серьги в один или полтора оборота, обнаруженные преимущественно в детских захоронениях, и браслет из пастовых бусин (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 111; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 117; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 391).

Подводя итог, в погребальном обряде населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы можно отметить следующие характерные элементы: группировка погребений на могильном поле рядами; грунтовые погребения; сооружение внутримогильных конструкций; преобладание положения умерших на левом боку с подогнутыми ногами или на спине с согнутыми в коленях ногами и повернутыми влево, головой на СВ; использование животных и их частей в обрядовой погребальной практике в качестве погребальной и поминальной пищи, жертвоприношений; большая роль огня и охры в погребальной практике; захоронение отдельно человеческих черепов; «вторичные» захоронения в разных вариациях, периодические подзахоронения и некоторые другие.

Разнообразие элементов, зафиксированное в исследованных погребальных комплексах, говорит о формировании сложной религиозной картины мира у населения, проживающего на территории Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы. Во многом это связано с наличием металлургии и производящего хозяйства, где основную роль играло разведение м.р.с., лошадей, к.р.с.; сложным многокомпонентным характером формирования культуры данного населения (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 116). Кроме того, племена Верхней Оби во 2-й четверти II тыс. до н.э. находились на восточной периферии синташтинско-петровской общности, которая идентифицируется рядом исследователей с древними индоиранцами (Генинг В.Ф., 1977; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 9; Зданович Г.Б., 1995, с. 65). В евразийских степях в этот период происходят значительные изменения в социально-экономической, политической и духовной жизни. С этого времени начинается миграция индо-

иранских племен в восточные и южные районы, в результате чего отдельные элементы культуры мигрантов оказали большое влияние на соседние культурные образования (Генинг В.Ф., 1977; Генинг В.Ф., Эданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 6; Ашихмина Л.И., 1995, с. 14; Ковалева В.Т., 1997, с. 4). Не исключено, что ряд черт в погребальном обряде населения Верхнего Приобья в рассматриваемый период являются проявлением их культурных контактов с индоиранскими племенами синташтинско-петровской общности, что отразилось на формировании сложной религиозной картины мира и, как следствие, — погребального обряда.

Кроме того, население елунинской культуры, к которой относятся рассматриваемые погребальные комплексы, связано с возникновением и формированием сейминско-турбинской традиции в бронзолитейном производстве, что также нашло свое отражение в погребальном обряде.